

В. Ефремов)

М. С. ГРУШЕВСКИЙ

(1866—1916).

Съ портретомъ и факсимиле.

Издание „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“.

1917 г.

86,10

~~87,10~~

М. С. ГРУШЕВСКИЙ

(1866—1916).

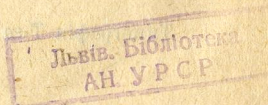
Съ портретомъ и факсимиле.

Издание „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“.

Володимир Дорошенко

1917 г.

T3(24n)5-8 Грушевскіѳ

37028

Вся наша надія - в нас,
всі сили - в народі!

М. Грушевський

Въ 1916 году исполнилось 50 лѣтъ самому выдающемуся изъ современныхъ украинскихъ дѣятелей профессору М. С. Грушевскому. Пользуясь этой датой, редакція „Украинской Жизни“ посвятила М. С. декабрьскую книгу журнала за указанный годъ и и затѣмъ рѣшила выпустить напечатанныя въ той книгѣ статьи отдѣльнымъ изданіемъ. Такимъ образомъ настоящая брошюра, какъ и декабрьская книга „Украинской Жизни“ являются скромной данью тому, чья жизнь, полная неусыпнаго труда, была цѣликомъ отдана на пользу украинскаго національнаго дѣла.

Въ лицѣ М. С. мы имѣемъ не только крупнаго ученаго, давно стяжавшаго себѣ большое имя, но и столь же выдающагося общественнаго дѣятеля и талантливаго неустоимаго журналиста. Во всѣхъ областяхъ служенія украинству, въ которыхъ проявилась разносторонняя дѣятельность М. С. Грушевскаго, ему принадлежать совершенно исключительныя и незабываемыя заслуги; работникамъ же „Украинской Жизни“ М. С. особенно близокъ и дорогъ. Возникновеніе журнала съ перваго момента нашло въ немъ живой и дѣятельный откликъ, и уже первую книгу „Украинской Жизни“ редакція имѣла возможность украсить превосходной статьей М. С. Грушевскаго „объ основныхъ задачахъ украинства и путяхъ его развитія“. Въ теченіе пяти лѣтъ М. С. не переставалъ сотрудничать въ „Украинской Жизни“ и живѣйшимъ обра-

зомъ интересоваться радостями и горестями нашего журнала, въ послѣднее же время, когда судьба такъ жестоко оторвала М. С. отъ родной Украины и сдѣлала невольнымъ гражданиномъ Москвы, М. С., можно сказать, слился съ журналомъ, превратившись изъ сотрудника, въ обычномъ смыслѣ слова, въ дѣятельнаго члена редакціи.

Разумѣется, печатаемая ниже статьи о М. С. Грушевскомъ, съ обзоромъ и оцѣнкой его разносторонней дѣятельности, являются далеко не достаточнымъ выраженіемъ той признательности, которую испытываетъ по отношенію къ замѣчательному историку Украины всякій сознательный украинецъ. Въ другихъ, болѣе счастливыхъ, условіяхъ вниманіе украинскаго общества и печати къ М. С. Грушевскому приняло бы, конечно, иные размѣры и формы...

Будемъ надѣяться, что эти условія не за горами, что скоро Украина если и не вздохнетъ полною грудью, то все же получить возможность приютить подъ своимъ материнскимъ крыломъ нынѣ разлученныхъ съ нею дѣтей, которыя живутъ только мыслію о ея счастьи, о ея грядущихъ судьбахъ.

Москва, декабрь 1916 г.

На общественномъ посту.

М. С. Грушевскій какъ общественный дѣятель.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ сентябрѣ 1866 г., въ г. Холмѣ, въ семьѣ учителя греко-уніатской гимназіи впервые увидѣлъ свѣтъ Михайлъ Сергѣевичъ Грушевскій, будущій украинскій дѣятель, имя котораго уже теперь ставится въ ряду наиболѣе почитаемыхъ дѣятелей украинскаго возрожденія. Мы говоримъ теперь, потому что еще не намѣтились окончательные результаты его многосторонней и въ высшей степени производительной работы, и если мы въ настоящемъ случаѣ пользуемся внѣшней хронологической датой его жизни, то не съ цѣлью подвести итоги его дѣятельности. Жизнь этого дѣятеля заслуживаетъ вниманія сама по себѣ, такъ какъ она густо насыщена общественнымъ дѣломъ; самая личность его представляетъ рѣдкій образецъ высокаго идейнаго одушевленія, непоколебимой энергіи и упорнаго труда въ достиженіи осознанной и разъ поставленной себѣ цѣли; естественно поэтому желаніе—хотя бы по чисто внѣшнему поводу—бросить бѣглый ретроспективный взглядъ на путь, пройденный однимъ изъ лучшихъ сыновъ своего народа, и найти здѣсь нѣкоторое нравственное удовлетвореніе въ современныхъ тяжелыхъ условіяхъ нашего существованія.

Дѣтство и юность М. С. Грушевскаго прошли вдали отъ родного края. Отецъ его, по условіямъ своей службы, послѣ Холма жилъ въ Ставрополѣ, Владикавказѣ, а затѣмъ въ Тифлисѣ, гдѣ Михайлъ Сергѣевичъ поступилъ въ 1880 г. въ гимназію. Семья Грушевскихъ, оторванная судьбой отъ родного края, сохраняла теплыя симпатіи ко всему украинскому, и въ юношѣ рано пробудилось національное украинское чувство, которое питалось чтеніемъ книгъ и рѣдкими поѣздками на Украину, рисовавшуюся ему въ ореолѣ далекой родины и привлекавшую къ себѣ горячія мечты юноши среди иноплеменной и иноязычной

чужбины. Въ тифлисской гимназiи М. С. съ увлеченiемъ читалъ все, что могъ достать, по исторiи, исторiи литературы и этнографiи Украины, читалъ украинскихъ классиковъ и въ это же время началъ писать по-украински. Въ 1884 г., узнавъ адресъ И. С. Нечуя-Левицкаго, М. С. посылаетъ ему первыя свои произведенiя и, ободренный маститымъ писателемъ, печатаетъ въ слѣдующемъ году свои украинскiе рассказы—„Бех-аль-Джугур“ (въ „Дiлi“) и „Бiдна дiвчина“ (въ альманахѣ „Степ“). Завѣтной мечтой юноши было сдѣлаться литераторомъ и ученымъ, и онъ избираетъ своей спеціальностью украиновѣдѣнiе. Гимназистъ V—VIII классовъ читаетъ изъ этой области все, что можно было достать въ далекой провинции, и въ этомъ разнообразномъ матеріалѣ, полномъ принципіальныхъ противорѣчiй и ожесточенныхъ споровъ, ему приходилось разбираться самому, безъ всякаго руководства со стороны. Это была первая, быть можетъ, самая трудная, школа самостоятельности мысли будущаго ученаго, и, поступивъ въ 1886 г. въ кiевскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, молодой студентъ располагалъ уже солидными знанiями и достаточной подготовкой къ научной работѣ. Это было далеко не лишне, такъ какъ и въ университетѣ пришлось ему обходиться въ научныхъ занятiяхъ больше своими силами. Конецъ 80-хъ и начало 90-хъ годовъ отмѣчены глухою реакціей и упадкомъ научнаго духа вообще въ нашихъ университетахъ, въ кiевскомъ же университетѣ была для этого особенно благопріятная почва. Научные интересы здѣсь покрывались грубымъ политиканствомъ, выслѣживанiемъ „украинофильства“ во всѣхъ его проявленiяхъ; успѣвавшіе въ этомъ профессора, конечно, не могли удѣлять много вниманiя наукѣ, остальные же просто задыхались въ тяжелой университетской атмосферѣ. Даже такое свѣтило науки, какъ В. Б. Антоновичъ, опускалъ руки при такихъ условiяхъ и все болѣе уклонялся въ нейтральныя сферы исторической науки—въ археологію, нумизматику...

Жажда науки, упорное исканiе истины, неутомимое трудолюбiе спасли будущаго ученаго отъ разлитаго въ воздухѣ повѣтрiя — общей апатiи и научнаго безразличiя. Онъ широко использовалъ сокровища университетской библіотеки, не ограничиваясь предметами своей спеціальности и захватывая другія сферы гуманитарныхъ наукъ. Послѣ нѣкоторыхъ мелкихъ литературныхъ опытовъ по-

является въ 1887 г. первая научная работа М. С.—„Южно-рускіе господарскіе замки въ половинѣ XVI вѣка“. На третьемъ курсѣ онъ принимается за предложенную проф. Антоновичемъ тему „Исторія кievской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV вѣка“, получаетъ за это сочиненіе золотую медаль и остается при университетѣ профессорскимъ стипендіатомъ по кафедрѣ русской исторіи. Въ это же время М. С. начинаетъ сотрудничать въ украинскихъ изданіяхъ Галичины—и въ общихъ („Зоря“, „Правда“), и въ научныхъ: статей его „Громадскій рух на Вкраїні-Русі в XIII в.“ начата первая книжка „Записок“, научнаго органа реформированнаго тогда ученаго общества имени Шевченка. Имя молодого ученаго постепенно пріобрѣтало популярность, и когда въ 1891 г. проф. Антоновичу предложена была кафедра украинской исторіи во львовскомъ университетѣ, то престарѣлый профессоръ, не чувствуя себя въ силахъ взяться за организацію научной работы въ Галиции, требовавшую молодой энергіи, рекомендовалъ вмѣсто себя М. С. Грушевскаго. Послѣдній защитилъ въ 1894 г. въ кievскомъ университетѣ магистерскую диссертацию—„Барское староство“ и тогда же получилъ назначеніе на львовскую кафедру.

Съ большимъ энтузіазмомъ приступилъ М. С. къ научной дѣятельности въ новыхъ условіяхъ. А условія были не легкія. Научная работа здѣсь совершенно не была поставлена, и молодому профессору приходилось все начинать съ самаго начала и почти въ совершенномъ одиночествѣ. Съ пріѣздомъ М. С. во Львовъ почти совпала смерть другого украинскаго профессора львовскаго университета, Огоновскаго, и М. С. являлся теперь единственнымъ, такъ сказать, официальнымъ представителемъ украинской науки въ Галичинѣ. Здѣсь-то и проявилъ онъ организаторскій талантъ, который привелъ къ блестящимъ результатамъ. Просто изумительна та неукротимая энергія, какую разсѣивалъ вокругъ себя молодой ученый, направляя ее на организацію самыхъ разнообразныхъ сторонъ научной дѣятельности. Кромѣ университетскихъ курсовъ, которые, само-собою разумѣется, требовали въ первые годы много времени и вниманія, кромѣ систематическихъ семинаріевъ въ университетѣ, которымъ онъ также отдавалъ много силъ, М. С. принялся за организацію научной работы въ недавно реформированномъ, но совершенно еще неустроенномъ обществѣ имени Шев-

ченка. Съ самого приѣзда во Львовъ онъ является фактическимъ предсѣдателемъ научнаго общества и фактическимъ редакторомъ его „Записокъ“, а съ 1897 г. и официально принялъ на себя эти обязанности. При тогдашней слабости научныхъ силъ Галичины редакторство ученыхъ Записокъ общества требовало, въ особенности на первыхъ порахъ, громадной доли личнаго авторства, личной инициативы и личнаго руководительства по отношенію къ мѣстнымъ авторамъ. И при всемъ томъ „Записки“ вмѣсто одного раза въ годъ стали выходить сперва четыре раза, а затѣмъ обратились въ постоянный двухмѣсячникъ. Подъ редакціей Грушевскаго вышло свыше 100 томовъ этого капитальнаго научнаго изданія. Постепенно подъ энергичнымъ руководствомъ М. С. Грушевскаго общество развило обширную дѣятельность, которая специализировалась по тремъ секціямъ—исторической, филологической и естественно-математической, секціи же образовали свои вспомогательные органы—комиссіи, въ числѣ шести (археологическая, библіографическая, статистическая, этнографическая, археологическая и естественная); кромѣ того, при обществѣ устроены музей, обширная библіотека (около 70 тыс. томовъ), большая типографія и книжный магазинъ. Насколько всѣ эти научныя учрежденія существуютъ не номинально только, а, напротивъ, заявляютъ себя широкой, все болѣе интенсивно развивающейся работой, видно уже изъ количества и характера научныхъ изданій общества. Кромѣ „Записокъ“ съ отдѣлами исторіи, археологіи, этнографіи, языка и исторіи литературы, историческая секція издаетъ „Збірникъ історично-філософічної секції“ (вышло 15 томовъ), „Історичну бібліотеку“ (25 томовъ), серію томовъ „Українського Архива“ (7 т.), 20 томовъ изданій юридическаго характера („Часопись правнича“, „Правнича бібліотека“), „Студії з поля суспільних наук і статистики“. Филологическая секція издаетъ свой „Збірникъ“ и „Українську бібліотеку“ (научное изданіе украинскихъ классиковъ); свой отдѣльный сборникъ издаетъ и естественно-математическая секція. Отдѣльныя комиссіи о-ва также выпускаютъ серіи капитальныхъ изданій; такъ, этнографическая комиссія издаетъ свой „Збірникъ“ съ богатѣйшими собраніями прекрасно отредактированныхъ памятниковъ народнаго творчества (вышло 35 томовъ) и „Матеріали для української етнології“ (14 т.); археологическая комиссія издаетъ „Же-

рела до історії України-Руси“ (7 т.), „Памятки української мови і літератури“ (7 т.) и др. Достоинства этихъ изданій получили высокую оцѣнку со стороны ученаго міра.

Бѣгло указанныя здѣсь результаты научной дѣятельности общества, развивавшейся подъ руководствомъ проф. М. С. Грушевскаго, свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ организаторскомъ талантѣ, его научной работѣ, объ его неутомимой энергіи и поистинѣ гигантскомъ научномъ трудѣ, который заполнилъ мельчайшія артеріи организма общества.

Научная дѣятельность російскихъ украинцевъ также въ значительной мѣрѣ пользовалась содѣйствіемъ проф. М. С. Грушевскаго. Въ 1906 г. учреждается имъ въ Кіевѣ отдѣльное отъ львовскаго украинское научное общество и подъ его энергичнымъ предсѣдательствомъ развивается живую дѣятельность, выразившуюся между прочимъ въ изданіи около 25 томовъ различныхъ трудовъ и научнаго трехмѣсячника по украиновѣдѣнію („Україна“).

Рядомъ съ широкой организаторской работой по ученому обществу М. С. находилъ время и силы и для другихъ видовъ общественно-научной дѣятельности и для личныхъ научныхъ трудовъ, которые составляютъ наиболѣе цѣнный вкладъ въ созданное имъ дѣло украинской науки. Онъ читаетъ во Львовѣ публичныя лекціи, расширяя научный кругозоръ галицкихъ общественныхъ круговъ, привлекая вниманіе и заинтересовывая ихъ дѣломъ развитія родной науки, вызывая ихъ къ содѣйствію ея росту. Во время лѣтнихъ каникулъ М. С. организуетъ курсы и самъ читаетъ на нихъ лекціи для учащейся молодежи, пріѣзжавшей изъ русской Украины въ виду того, что предметы украиновѣдѣнія совершенно отсутствуютъ въ курсахъ русскихъ университетовъ. Въ 1899 и 1912 гг. по случаю археологическихъ сѣздовъ въ Кіевѣ и Черниговѣ онъ организуетъ бюро украинскихъ участниковъ сѣздовъ, и когда въ томъ и другомъ случаяхъ за украинскимъ языкомъ не было признано право гражданства на сѣздахъ, приготовленные доклады (всего около 30 для каждаго сѣзда) были напечатаны отдѣльными томами изданій научнаго общества. Въ 1903 г. М. С. принимаетъ предложеніе высшей русской школы общественныхъ наукъ въ Парижѣ и читаетъ тамъ курсъ украинской исторіи; въ послѣдствіи курсъ этотъ дважды былъ изданъ на русскомъ языкѣ отдѣльною книгой—„Очеркъ исторіи украинскаго народа“.

Наиболѣе капитальнымъ самостоятельнымъ трудомъ проф. Грушевскаго является „Історія України-Руси“ на украинскомъ языкѣ. Въ этомъ трудѣ онъ задумалъ дать полную систематическую исторію своей родины, начиная съ древнѣйшихъ временъ, объединенную научнымъ синтезомъ, основанную на новѣйшихъ приобрѣтеніяхъ науки. Это было дѣло громадной трудности, если принять во вниманіе заброшенность данной отрасли исторической науки въ русскихъ университетахъ, большую массу неиспользованнаго матеріала и его разбросанность, множество спорныхъ здѣсь вопросовъ основного значенія. Но колоссальная эрудиція и научная энергія М. С. не остановились передъ этими трудностями, и въ 1898 г., какъ привѣтъ столѣтнему юбилею украинскаго возрожденія, появился первый томъ „Історії України-Руси“. Работа была рассчитана на шесть томовъ, но въ самомъ процессѣ ея рамки труда все болѣе расширялись, и вышедшая въ настоящемъ году вторая часть еще не законченнаго восьмого тома останавливается на событіяхъ половины XVII вѣка.

Научное значеніе трудовъ М. С. Грушевскаго оцѣнено и представителями русской науки; харьковскій университетъ присудилъ ему докторскую степень *honoris causa*. Для насъ, украинцевъ, ученая его дѣятельность имѣетъ еще и крупное общественное значеніе. Она составляетъ слишкомъ замѣтный этапъ въ исторіи украинскаго самосознанія. Идейныя основы украинскаго національнаго движенія въ результатъ его дѣятельности получили твердую научную почву и расширились новыми, болѣе широкими горизонтами. Въ особенности это нужно сказать въ отношеніи Галичины. Грушевскій послѣдовательно завершаетъ и національно углубляетъ столь же настойчивую культивирующую работу другого дѣятеля въ Галиціи—Драгоманова, хотя тактическіе пути ихъ дѣятельности очень различны. Драгомановскій критицизмъ имѣлъ цѣлью пробить брешь въ плоскомъ національномъ формализмѣ его современниковъ, галицкихъ,—да и не однихъ только галицкихъ,—украинцевъ, и вдунуть въ національныя ихъ понятія живое дыханіе идей европейской культуры. Этотъ критицизмъ, въ большей мѣрѣ отрицательный, чѣмъ положительный, въ послѣдовательномъ развитіи приводилъ къ извѣстной національной аморфности. Научная дѣятельность Грушевскаго представляетъ уже положительную почву, положительный источникъ національно-политическаго и социально-культурнаго самосознанія.

М. С. Грушевскій—ученый по преимуществу; но сильный темпераментъ общественнаго дѣятеля не только сообщалъ самой его научной работѣ особый жизненный интересъ, но и увлекалъ его на болѣе широкій путь общественной дѣятельности.

Какъ на важнѣйшую сторону культурно-общественной дѣятельности проф. Грушевскаго слѣдуетъ указать на его участіе въ борьбѣ галицкаго общества за родной университетъ. Самая постановка вопроса объ украинскомъ университетѣ на практическую почву только и возможна была въ результатѣ той работы М. С., которою созданы и научныя силы для родного университета, и вся почва для него—и въ научной литературѣ, и во вспомогательныхъ научныхъ учрежденіяхъ, и, наконецъ, въ самомъ сознаніи общества. Въ послѣдовавшей затѣмъ упорной борьбѣ за университетъ галицкое общество всегда обращалось въ своемъ сознаніи къ руководителю своей научной работы, и побѣда общества въ вопросѣ объ университетѣ,—открытіе его было намѣчено не позже 1918 г.,—была вмѣстѣ съ тѣмъ крупной нравственной побѣдой М. С. Грушевскаго.

Дѣятельность М. С. въ области просвѣщенія не исчерпывается ролью ученаго-профессора. Украинецъ-демократъ, базирующій національную работу прежде всего на культурномъ прогрессѣ и самосознаніи народной массы, М. С. придавалъ громадное значеніе просвѣщенію широкихъ массъ народа и принималъ не только дѣятельное, но и руководящее участіе въ дѣятельности въ этомъ направленіи. „Организація родной національной школы,—говорится въ воззваніи учрежденной въ 1910 г. просвѣтительной организаціи, во главѣ которой стоялъ М. С.,—является нашей наиболѣе жгучей потребностью, первымъ и важнѣйшимъ пунктомъ нашей народной работы... Родная школа пусть всегда стоитъ передъ нашими глазами, пусть не даетъ намъ ни минуты покоя, пусть занимаетъ первое мѣсто въ нашей работѣ, потому что изъ всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ она—наиболѣе важное дѣло“. Эта частная организація школьнаго дѣла въ краѣ, „Краевий Шкільний Союз“, параллельная официальной „Краевой Радѣ Шкільній“, явилась своего рода министерствомъ народнаго просвѣщенія для галицкихъ украинцевъ. Она сосредоточила въ своихъ рукахъ все дѣло частной школы, объединила дѣятельность отдѣльныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ въ

этой области, и о достигнутых ею результатах можно судить по тому, что къ 1914 г. Союзъ содержалъ уже 8 среднихъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ 6 съ правами правительственныхъ школъ, оказывалъ матеріальную помощь двумъ частнымъ учительскимъ семинаріямъ, содержалъ нѣсколько народныхъ училищъ высшаго типа.

Въ глубокомъ убѣжденіи, что широкое просвѣщеніе народной массы является прочнымъ залогомъ ея всяческаго преуспѣянія, М. С. находилъ время и для научно-популярныхъ работъ. Пользуются большою извѣстностью его общедоступная украинская исторія—„Ілюстрована исторія України-Руси“ и другая, болѣе популярная, для народа, „Про старі часи на Україні“, его же перу принадлежитъ популярная брошюра „Козацький батько—Б. Хмільницький“. Незадолго до войны М. С. задумалъ широкий планъ народнаго книгоиздательства и объявилъ конкурсъ на составленіе книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. Въ Кіевѣ онъ организуетъ популярно-народный еженедѣльникъ „Село“, принимаетъ въ немъ ближайшее участіе, и часть его статей изъ этого изданія выходитъ отдѣльною брошюрой—„Про українську мову і школу“.

Широкіе литературные интересы М. С. и желаніе придти на помощь культурному развитію галицкаго общества привели его къ ближайшему участію въ цѣломъ рядѣ литературныхъ предпріятій, значительной части которыхъ онъ былъ инициаторомъ и главнымъ руководителемъ. По его инициативѣ произведена реформа литературно-общественнаго органа, еженедѣльника „Зорі“, въ ежемѣсячникъ европейскаго типа *revue*, и съ 1898 г. началъ выходить „Літературно-Науковий Вістник“, въ которомъ впервые широко объединились литературныя силы галицкой и русской Украины. Съ первой же книжки журнала до послѣдней, въ теченіе около 20 лѣтъ, М. С. помѣщаетъ здѣсь статьи по литературнымъ и общественнымъ вопросамъ, и статьи эти всегда составляли наиболѣе интересную часть журнала, къ которой прежде всего и обращался читатель.

Какъ публицистъ, М. С. выступалъ и выступаетъ въ русской прессѣ съ тѣхъ поръ, какъ общія условія прессы здѣсь даютъ возможность обсуждать украинскій вопросъ. Съ 1905 г. онъ печатаетъ статьи по этому вопросу въ „Сынѣ Отечества“, „Нашей Жизни“, „Странѣ“, въ „Кіевскихъ Откликахъ“, затѣмъ въ „Рѣчи“ и „Русскихъ Вѣдомостяхъ“.

Болѣе близкое участіе принимаетъ онъ въ изданіяхъ, которыя имѣють въ виду ознакомить русское общество съ украинскимъ вопросомъ, каковы „Украинскій Вѣстникъ“, издававшійся въ 1906 г., и наша „Украинская Жизнь“, въ теченіе пяти лѣтъ своего существованія неизмѣнно пользующаяся цѣннымъ сотрудничествомъ М. С. Статьи его до 1907 г. вышли отдѣльнымъ сборникомъ „Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ“, представляющимъ весьма интересный и разносторонній компендіумъ этого послѣдняго вопроса. Въ капитальномъ изданіи Кастелянскаго „Формы національнаго движенія“ помѣщены двѣ общія статьи М. С. по украинскому вопросу. Общій интересный очеркъ украинскаго движенія данъ имъ и въ брошюрѣ „Украинство въ Россіи, его запросы и нужды“, представляющей отдѣльное изданіе послѣднихъ главъ книги „Очеркъ исторіи украинскаго народа“. Всѣ эти работы отмѣчены печатью крупнаго публицистическаго таланта.

Въ 1899 г. М. С. выступаетъ съ крупнымъ по своему значенію проектомъ организаціи издательскаго общества и осуществляетъ этотъ проектъ въ 1899 г. въ видѣ паевой промышленной организаціи „Українсько-руської Видавничої Спілки“. Это издательское общество, въ которомъ М. С. являлся директоромъ-распорядителемъ, за десять слишкомъ лѣтъ своей дѣятельности выпустило въ свѣтъ свыше 300 книгъ, не только увеличивъ производительность галицкаго книжнаго рынка, но и значительно повысивъ его литературныя качества. Въ послѣдніе годы нѣкоторыя изданія этого общества печатались уже въ Россіи.

Нельзя также не указать на участіе М. С. Грушевскаго въ организаціи художественно-артистическихъ силъ Галичины. Подъ его вліяніемъ и при его содѣйствіи здѣсь появилось въ 1905 г. „Общество любителей украинскаго искусства“. Ближайшее участіе принималъ М. С. также въ возникшемъ въ Галичинѣ незадолго до войны общественномъ движеніи, имѣвшемъ цѣлью постройку національнаго театра во Львовѣ.

Какъ видимъ, ни одна сторона культурно-національной жизни родного народа не была чужда нашему ученому-гражданину. Не могъ онъ безразлично относиться и къ явленіямъ политической жизни, особенно въ Галичинѣ, при тяжеломъ положеніи здѣсь народной массы—темной, эксплуатируемой, лишенной защиты. Мало того, принять активное участіе въ политической жизни онъ вынужденъ былъ тѣми условіями, въ

какія быль поставленъ со времени перехода своего въ Галичину. Это было время, когда въ Галичинѣ, не безъ участія и нѣкоторыхъ дѣятелей изъ русской Украины, заключалось соглашеніе, т. н. „угода“, между поляками, занимавшими положеніе правящаго класса, и украинцами. Съ украинской стороны на эту „угоду“ возлагали большія надежды, надѣясь, что польскіе правящіе круги искренно пойдутъ навстрѣчу культурно-національнымъ потребностямъ украинцевъ. Въ дѣйствительности, однако, М. С. пришлось вскорѣ убѣдиться, что надежды кіевскихъ и львовскихъ украинцевъ лишены были всякаго основанія. Поляки совершенно не думали ни о какихъ серьезныхъ уступкахъ, мелкими же подачками въ культурно-національной области они разсчитывали купить непрекословное молчаніе сознательныхъ слоевъ украинскаго общества, при самой беззащитной политической и экономической эксплоатаціи поляками украинской народной массы. Для М. С. не было въ данномъ отношеніи выбора, и ему на этой почвѣ даже пришлось пожертвовать добрыми отношеніями съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей и сблизиться съ болѣе радикальными элементами галицкаго общества, трактовавшими польско-украинскія отношенія исключительно съ точки зрѣнія демократической. Въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ М. С. Грушевскаго произведена была въ 1899 г. реформа т. н. народовской партіи въ духѣ большей демократизаціи ея программы. Въ первые годы послѣ этой реформы М. С. принималъ активное участіе въ дѣятельности народно-демократической партіи, но затѣмъ, когда партія вступила на старый путь оппортунизма по отношенію къ центральному австрійскому правительству и къ мѣстнымъ польскимъ реакціонно-клерикальнымъ правящимъ кругамъ, М. С. уклонился отъ непосредственной, активной политической дѣятельности, занявъ независимое оппозиціонное положеніе къ наличному режиму и его сторонникамъ. Эту свою политическую позицію М. С. опредѣленно заявлялъ въ своихъ публицистическихъ статьяхъ, въ которыхъ подвергалъ галицкую политику беспощадной критикѣ (часть этихъ статей, за 1909—1911 г., издана отдѣльнымъ сборникомъ „Наша політика“). Ясность и широта политическихъ взглядовъ, яркій публицистическій талантъ М. С. заставили самымъ внимательнымъ образомъ относиться къ его статьямъ, которыя производили сильное впечатлѣніе на общество, какъ голосъ объективнаго и глубокаго политика. Въ этой

независимости и въ высокомъ авторитетѣ М. С. и слѣдуетъ искать главную причину крайней ненависти къ нему со стороны его противниковъ. А этихъ противниковъ у него было немало, такъ какъ много было въ галицкой и вообще въ украинской жизни и украинскихъ отношеніяхъ темныхъ, отрицательныхъ сторонъ, которыя находили въ немъ неліцепріятнаго обличителя.

Особенно сильную кампанію повели противъ М. С. польскіе реакціонные круги съ тѣхъ поръ,—а это было вскорѣ же по пріѣздѣ М. С. во Львовъ,—какъ главнымъ образомъ его усиліями была ликвидирована лицемѣрная польско-украинская угода и въ политикѣ галицкихъ украинцевъ ясно зазвучало требованіе національной равноправности. Затѣмъ опредѣленная позиція М. С. въ университетскомъ вопросѣ, близость его къ украинской университетской молодежи и его неумолкающая проповѣдь равноправности украинскаго элемента съ польскимъ вызывали по отношенію къ нему постоянныя инсинуаціи изъ польскаго лагеря, особенно въ моментъ обостренія борьбы за украинскій университетъ, когда польскіе націоналисты требовали увольненія его изъ университета, отдали подъ судъ и т. д. Эта кампанія не прекращается и въ настоящее время, такъ какъ до сихъ поръ не устранены причины, ее вызывающія.

Въ числѣ политическихъ антагонистовъ М. С. Грушевскаго, какъ это ни кажется на первый взглядъ страннымъ, были въ значительной мѣрѣ и украинскіе дѣятели Галичины, расхожденіе съ которыми у него все болѣе усиливалось и, какъ уже упоминалось выше, привело его къ устраненію отъ активнаго участія въ политической дѣятельности. Это послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе усиливало чувствительность для нихъ беспощадной критики, какой подвергалъ М. С. Грушевскій ихъ политическую идеологію. Онъ всегда смотрѣлъ на Галичину какъ на неотдѣлимую часть одной украинской земли, на галичанъ—какъ на нераздѣльную часть одного украинскаго народа, а потому, по его убѣжденію, все, что важно для цѣлаго, столь же нужно было для части, и наоборотъ. Только исходя изъ этого взгляда на однородность интересовъ Галичины съ интересами остальной Украины, и могъ онъ взять на себя,—иначе нельзя это назвать,—подвижничество труда въ Галичинѣ. И взглядъ этотъ онъ настойчиво и послѣдовательно проводилъ затѣмъ во всей своей дѣятельности, опредѣленно подчеркивая идею „сбор-

ности“ Украины въ противовѣсъ тенденціямъ галицкаго партикуляризма, характеризуемаго терминомъ „галичанство“. Отсюда создавшая ему много личныхъ огорченій его критика галицкихъ дѣятелей, стоявшихъ на одной съ нимъ національной позиціи, критика ихъ специально-галицкой политики, проникнутой узкимъ провинціализмомъ, близорукой въ отношеніи конечныхъ цѣлей и въ основѣ своей оппортунистической, упускавшей изъ виду коренныя требованія народной жизни изъ-за чечевичной похлебки случайныхъ пріобрѣтеній.

Менѣ всего слѣдуетъ удивляться тому вниманію, какимъ пользуется М. С. со стороны русскихъ націоналистовъ и вообще со стороны русскихъ реакціонныхъ круговъ. Помимо общаго идейнаго противорѣчія между нимъ и этими его антиподами рѣшающую роль въ данномъ случаѣ, очевидно, играетъ то обстоятельство, что слишкомъ крупную личность представляетъ онъ въ украинскомъ движеніи, слишкомъ велики его заслуги въ украинскихъ національных стремленіяхъ, чтобы можно было пройти мимо Грушевскаго въ борьбѣ съ украинскимъ движеніемъ; а такъ какъ по принятому у нашихъ черносотенцевъ обыкновенію всѣ стрѣлы „идейной“ борьбы направляются ими на личности и по способу личныхъ выпадовъ, то легко представить, какую благодарную мишень представлялъ для нихъ виднѣйшій украинскій дѣятель, въ особенности когда, съ улучшеніемъ условій общественной жизни въ Россіи, онъ принималъ непосредственное участіе въ національной работѣ русскихъ украинцевъ. Нѣтъ такой низкой, клеветнической выдумки, какой они не пришивали бы къ ненавистному имъ имени Грушевскаго. Еще до войны кіевскіе націоналисты зывали къ начальству о томъ, чтобы Грушевскому воспрещенъ былъ вѣздъ въ предѣлы Россіи, специальнымъ же объектомъ клеветнической какофоніи со стороны націоналистовъ великой, малой и бѣлой Россіи сталъ онъ съ началомъ войны, когда политическіе противники его своимъ поведеніемъ въ Галиціи опредѣлено обнаружили свои истинныя вождельнія по части искорененія украинства. Какъ извѣстно, устремленія ихъ не были совершенно безрезультатны, и, въ частности, въ отношеніи М. С. Грушевскаго дѣло приняло офиціальныя обороты; оказалось, впрочемъ, что наши выученики донъ-Базиліо дѣйствовали безъ всякой рѣшительно почвы. Иначе и не могло быть, такъ какъ общественный дѣятель складки М. С. Грушевскаго поступаетъ такъ, какъ говорить, и слово

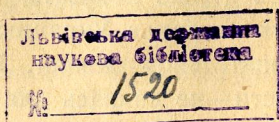
его не расходится съ дѣломъ, дѣятельность же его, практическая и литературная, у всѣхъ на виду.

Удѣлъ всѣхъ крупныхъ личностей—подвергаться неприятнымъ укусамъ всякихъ назойливыхъ мошекъ. М. С. Грушевскому по свойствамъ его активной природы и по характеру его дѣятельности приходится навлекать на себя цѣлыя тучи политическихъ пгусовъ. Это, какъ показала дѣйствительность, даже можетъ временно сузить внѣшнія рамки его дѣятельности, но всѣ подобныя и какіе бы то ни было удары со стороны не въ силахъ ни согнуть, ни сломить эту мощную личность, измѣнить опредѣлившееся за полвѣка направленіе всей ея дѣятельности и тѣмъ менѣе подорвать громадное общественное значеніе этой дѣятельности.

А. Бѣлоусенко.

Львів. бібліотека
АН УРСР

Проф. М. С. Грушевскій какъ историкъ.

Существуетъ маленькая, въ 16 страницъ, автобіографія проф. М. С. Грушевскаго, изданная въ 1906 году, ко дню исполнившагося сорокалѣтія его жизни. Автобіографія напечатана была только въ пятидесяти экземплярахъ для родственниковъ и ближайшихъ друзей автора. За предѣлами этого круга она почти неизвѣстна.

М. С. Грушевскій воспитывался вдали отъ Украины, на Кавказѣ. Но интересъ къ родинѣ живо сохранялся въ семьѣ Грушевскихъ. Живя довольно уединенно, среди своихъ дѣтскихъ мечтаній и фантазій, М. С. Грушевскій рано пристрастился къ чтенію. Онъ прочиталъ все, что могъ достать по исторіи, исторіи литературы и этнографіи Украины. И тогда еще, когда онъ былъ ученикомъ тифлисской гимназіи, его мечтой было сдѣлаться украинскимъ литераторомъ, издателемъ и ученымъ. Украиновѣдѣніе должно было стать его спеціальностью,—въ этомъ не было сомнѣнія. Онъ только колебался, съ какой стороны подойти къ своей спеціальности: со стороны ли славистики или исторіи. Монографіи Костомарова, Записки о Южной Руси Куліша, сборники Максимовича и Метлинскаго, исторія Сѣчи Скальковскаго, исторія славянскихъ литературъ Пыпина, первые годы «Кіевской Старины», перечитанные въ 1881—1885 годахъ, окончательно опредѣлили направленіе интересовъ и плановъ М. С. Грушевскаго. Исторія взяла верхъ надъ славистикою. Пріѣхавши въ Кіевъ, въ университетъ, М. С. Грушевскій, въ отличіе отъ множества студентовъ, имѣлъ вполне осознанный выборъ спеціальности и имѣлъ въ своемъ распоряженіи солидный запасъ знаній какъ фактическаго, такъ и теоретическаго характера.

Я остановился на этой чертѣ біографіи М. С. Грушевскаго съ цѣлью показать, что его ученая дѣятельность, въ качествѣ историка Украины, имѣетъ глубокіе корни во всей его сознательной жизни. Исторія Украины—въ видѣ спеціальности—не явилась для него случайностью, къ которой,

какъ это нерѣдко бываетъ, побудили его занятія въ университетѣ. Съ мыслью о ней М. С. Грушевскій пришелъ въ университетъ. Она была органически съ нимъ связана.

Это не могло не оказать глубокаго вліянія на всю научную дѣятельность М. С. Грушевскаго какъ историка. Мысль сдѣлаться ученымъ осуществилась, и ученая дѣятельность составила главное содержаніе послѣдующей жизни М. С. Грушевскаго до настоящаго времени. То обстоятельство, что жизнь и борьба за права своей народности втянули его и сдѣлали изъ него также талантливаго публициста, общественнаго и политическаго дѣятеля, обосновавшаго общественно-политическіе постулаты украинства, не мѣняетъ дѣла. М. С. Грушевскій является преимущественно ученымъ и историкомъ. Въ этомъ его сила и какъ публициста и общественнаго дѣятеля. Свое пониманіе украинства и его задачи онъ построилъ на историческомъ основаніи, подвелъ подъ него прочный фундаментъ. Разрушить его трудно, какъ бы ни старались.

Въ этомъ пунктѣ больше всего было нападокъ на Грушевскаго какъ историка. Его обвиняли въ рядѣ смертныхъ грѣховъ, а главное—старались набросить тѣнь на его научную работу и научную добросовѣстность, упрекая его чуть ли не въ фальсификаціи украинской исторіи.

Правда, все это дѣлалось въ публицистической полемикѣ, не всегда, какъ извѣстно, гонящейся за точностью, правдою и справедливостью. Но, несомнѣнно, не оставалось это безъ вліянія и на ученые круги¹⁾. И тамъ нерѣдко приходилось слышать мнѣніе о «тенденціозности» научныхъ работъ М. С. Грушевскаго, а научная критика долго и совсѣмъ замалчивала его труды.

Правда въ концѣ-концовъ беретъ свое. Имя М. С. Грушевскаго все чаще и чаще начинаетъ встрѣчаться въ трудахъ русскихъ историковъ. Свой выводы они подкрѣпляютъ его работами, научныя мнѣнія, взгляды и выводы М. С. Грушевскаго становятся тѣми опорными и исходными пунктами, возлѣ которыхъ начинаетъ работать историческая мысль, разъ она касается древней Руси, литовско-русскаго государства и Украины. И до сихъ поръ ни одинъ серьезный ученый, если онъ, имѣя дѣло съ трудами М. С. Грушевскаго, подходилъ къ нимъ съ чисто научной мѣркой, не только не до-

¹⁾ Проф. Т. Флоринскій. Малорусскій языкъ и «українсько-руській літературный сепаратизмъ». Спб. 1900. Стр. 106.

казалъ, но даже не указалъ, не упрекнулъ ихъ въ «тенденціозности». Если я упоминаю объ этомъ, то только потому, что хочу подчеркнуть, въ какой неблагоприятной атмосферѣ предвзятости приходилось работать М. С. Грушевскому и сообщать ученому міру результаты своихъ изысканій. Это не могло не отражаться на успѣхѣ развитія науки. Долгое время научная работа проф. Грушевскаго въ Россіи оставалась какъ бы незамѣченной, если не игнорировалась совсѣмъ. Между тѣмъ въ лицѣ проф. Грушевскаго мы имѣемъ выдающагося ученаго историка,—выдающагося не только по широтѣ постановки вопросовъ, по разнообразію научныхъ задачъ, по научной активности и продуктивности, но и по глубинѣ изслѣдованія и научнымъ методамъ, основаннымъ на беспощадномъ примѣненіи критики, сокрушеніи историческихъ идоловъ и осторожномъ, но послѣдовательномъ исканіи исторической истины, восстановленіи фактовъ и событій въ ихъ голой дѣйствительности и объясненіи ихъ съ новой научной точки зрѣнія.

Основные особенности своего метода проф. Грушевскій отмѣтилъ еще въ 1894 г. въ своей вступительной лекціи во львовскомъ университетѣ. «Я прошелъ филологическую школу,—говорилъ онъ,—я въ ней прочно затвердилъ принципъ *nemini credere* (никому не вѣрь). Постоянно искать и никогда не довольствоваться, не надѣяться, что постигъ цѣликомъ всю истину, такъ что всякій другой взглядъ, всякая другая исходная точка зрѣнія въ томъ дѣлѣ невозможна, абсурдна. Наука—это безпрестанный скептицизмъ, не тотъ больной, немощный, который остается при одномъ только анализѣ, при одномъ разрушеніи, а тотъ здоровый плодотворный скепсисъ, который ведетъ вслѣдъ за собою симпатическую работу». Догматизмъ въ исторіи Грушевскій считаетъ ненужнымъ, всякое *iuratio in verbe magistra*—невозможнымъ („Зап. Наук. товар. імені Шевченка“, т. IV, стр. 150).

Уже первая работа проф. Грушевскаго, его изслѣдованіе о южно-русскихъ замкахъ, написанная на студенческой скамьѣ и вышедшая изъ историческаго семинарія проф. В. Б. Антоновича, а еще больше его «Исторія Кіевской земли» носятъ на себѣ ярко выраженные черты научнаго метода, который затѣмъ красною нитью проходитъ черезъ всѣ научные труды проф. Грушевскаго.

Изслѣдованіе о южно-русскихъ замкахъ нѣсколько разъ потомъ дополнялось, перерабатывалось авторомъ въ его

большой исторіи, но основы его оставались тѣ же, что и въ первоначальномъ видѣ. Изслѣдованіе пріобрѣло важность для выясненія роли господарскихъ замковъ въ исторіи южной Украины и для объясненія зарожденія, роли и развитія украинскаго казачества.

Исторія Кіевской земли, написанная также въ студенческіе годы на золотую медаль и переработанная и напечатанная проф. Грушевскимъ немедленно по окончаніи университета, является вполне научно законченнымъ солиднымъ трудомъ, въ свое время оцѣненнымъ научной критикой. Великолѣпное изученіе источниковъ, здоровая научная критика, не увлекающаяся ни въ сторону довѣрія, ни въ сторону отрицанія, самостоятельность взгляда придаетъ этой книгѣ особую цѣнность въ ряду другихъ такого рода монографій, появившихся въ Кіевѣ. Наиболѣе важными и интересными страницами этого труда является всестороннее изученіе вопроса и спора о степени запустѣнія Кіевской земли послѣ нашествія Батыя и затѣмъ о распыленіи власти кіевскихъ князей и объ усиленіи общинъ въ Кіевской землѣ.

Наиболѣе характерно научные методы проф. Грушевскаго какъ изслѣдователя,—его осторожность въ выводахъ и обобщеніяхъ,—проявились въ его диссертации на степень магистра, посвященной «Барскому староству».

Тема для работы не была выбрана самимъ авторомъ. Она была указана однимъ изъ профессоровъ. Тема казалась заманчивой. Она обѣщала пролить значительный свѣтъ на колонизацію и на зарожденіе и развитіе украинскаго казачества. Но лицо, порекомендовавшее тему, упустило одно важное обстоятельство: есть ли достаточно матеріаловъ, чтобы осуществить ее. На это затрудненіе и натолкнулся проф. Грушевскій уже тогда, когда часть работы была сдѣлана и когда бросать ее не приходилось; нужно было доводить до конца. Положеніе было трудное, но М. С. Грушевскій съ научной честью вышелъ изъ него. Изучивши все, что можно было въ печатныхъ источникахъ, проработавши въ архивахъ Кіева, Варшавы и Москвы, проф. Грушевскій выпустилъ цѣнную книгу по общественно-національной исторіи Подолія XIV—XVIII в. Вопросы колонизаціи Подолія, требовавшіе особенной осторожности и скрупулезности изслѣдованія, занимаютъ въ ней важное мѣсто, равно какъ и вопросы управленія. Научные результаты работы, по отзыву самого автора, оказались небольшими, но въ смыслѣ подбора и оцѣнки матеріала, въ

методологическомъ отношеніи работа представляетъ большую цѣнность, поскольку авторъ изъ разрозненныхъ, отрывочныхъ, неясныхъ свѣдѣній путемъ примѣненія здоровой научной критики сумѣлъ возсоздать нѣчто цѣнное, положительное.

Наибольшую научную производительность проф. Грушевскій обнаружилъ, сдѣлавшись въ 1894 году профессоромъ львовскаго университета. Къ этому времени онъ былъ вполне уже сложившимся въ научномъ отношеніи историкомъ съ трудами, создавшими ему извѣстное имя въ наукѣ.

Внѣшняя сторона его научной дѣятельности во Львовѣ хорошо извѣстна. Ставши во главѣ «Науковаго товариства імени Шевченка» и сдѣлавшись въ 1895 году формальнымъ редакторомъ его изданій, М. С. Грушевскій проявилъ изумительную дѣятельность организаторскую, издательскую, литературную, научную.

Ко дню десятилѣтія (1894—1906) пребыванія М. С. Грушевскаго во Львовѣ его ученики и почитатели занялись составленіемъ «Науковаго Збірника» въ честь его, который и выпустили въ свѣтъ въ 1906 году.

Къ «Збірнику» приложенъ «реестр (списокъ) наукових і літературних праць проф. Мих. Грушевського», составленный извѣстнымъ галицкимъ библіографомъ И. Е. Левицкимъ и обнимающій собою 50 большихъ страницъ. Въ немъ указано 593 печатныхъ труда проф. М. С. Грушевскаго, разныхъ, конечно, размѣровъ и значенія. Среди нихъ есть большія изслѣдованія, но есть и меньшія замѣтки, иногда и газетныя статьи. Во всякомъ случаѣ, этотъ списокъ свидѣтельствуетъ о той напряженной литературной и научной работѣ, которая заставляла изумляться даже враговъ проф. М. С. Грушевскаго, — напр., проф. Т. Д. Флоринскаго («Малорусскій языкъ и «украинсько-руській» литературный сепаратизмъ». Спб. 1900. Стр. 101). Послѣ 1904 г. нѣтъ полного списка литературныхъ трудовъ проф. Грушевскаго. Но можно думать, что ихъ не меньше и въ этомъ періодѣ.

Среди разнообразныхъ литературныхъ работъ М. С. Грушевскаго работы научно-историческія занимаютъ преобладающее мѣсто. Я уже сказалъ, что ученый историкъ въ немъ всегда бралъ верхъ надъ публицистомъ. Съ особымъ вниманіемъ М. С. Грушевскій слѣдилъ всегда за научной литературой, исторической или имѣющей то или иное отношеніе къ исторіи Украины-Руси. Ознакомившись съ книгой,

онъ обыкновенно печатно высказывалъ свое мнѣніе о ней. Библіографіи М. С. Грушевскій придаетъ большое значеніе, и въ его научной дѣятельности бібліографическіе обзоры и замѣтки занимаютъ видное мѣсто. Библіографическіе отзывы его не носятъ формальнаго характера. Ихъ фактическая сторона, возраженіе противъ мнѣнія и освѣщенія фактовъ авторомъ, попытка освѣтить эти факты съ собственной точки зрѣнія и съ точки зрѣнія общей концепціи украинской исторіи придаютъ отзывамъ М. С. Грушевскаго о книгахъ научный интересъ и научное значеніе.

Въ бібліографическихъ замѣткахъ М. С. по поводу книгъ П. Н. Милюкова о русской культурѣ, проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова и проф. Н. П. Загоскина по исторіи русскаго права, В. Н. Сторожева («Записки Наукового товариства імени Шевченка», т. XIII, XXXVII и XXXIX, бібліографія) впервые была намѣчена въ общихъ чертахъ и та схема русской исторіи, которая потомъ легла въ основу многотомнаго труда М. С. Грушевскаго «Історія України-Руси» и которая подробно была затѣмъ развита въ статьѣ его «Звичайна схема «русской» історії й справа раціонального укладу історії східнього словенства». Статья эта напечатана въ 1904 г. въ первомъ выпускѣ «Статей по славяновѣдѣнію», изданныхъ петроградской академіей наукъ.

Поводомъ къ ней послужилъ вопросъ о раціональномъ изложеніи исторіи славянства, поднятый организаціоннымъ съѣздомъ русскихъ филологовъ въ виду задуманнаго академіей изданія Славянской Энциклопедіи.

Еще въ началѣ 1860-хъ годовъ въ печати появилась знаменитая статья Н. И. Костомарова о двухъ русскихъ народностяхъ¹⁾. Костомаровъ видѣлъ существенное различіе между народностью великорусской и малорусской (украинской), или южнорусской. Начало этого различія, по его мнѣнію, терялось въ глубокой древности, какъ и вообще распаденіе славянскаго племени на отдѣльные народы. Въ отличіе отъ другихъ славянскихъ частей этнографическимъ названіемъ южно-русскаго народа было названіе Руси. На сѣверо-востокѣ сложилась новая славяно-русская народность, великорусская, со своеобразнымъ характеромъ, съ отличными условіями и пріемами жизни. Начало ея теряется, но въ XII в. она выка-

¹⁾ Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова. Спб., 1903 г., кн. I, т. I, стр. 31—65.

зываетъ свое существованіе нѣкоторыми выпуклыми чертами. Ея исторія носить иной характеръ, чѣмъ исторія южно-русскаго (украинскаго) народа. Гражданская стихія велико-русскаго народа есть общность, поглощеніе личности, единодержавіе; въ южно-русскомъ элементѣ постоянно былъ живучъ принципъ личности, а формой государственнаго начала былъ федерализмъ.

Эта мысль Костомарова, высказанная въ общей и нѣсколько неопредѣленной туманно-романтической формѣ, и была реально формулирована и развита М. С. Грушевскимъ въ указанной выше статьѣ.

«Обычно принятая схема русской исторіи,—говоритъ онъ,—всѣмъ извѣстна. Начинается она съ доисторическихъ временъ Восточной Европы, обыкновенно сначала идетъ рѣчь про неславянскую колонизацію, затѣмъ про расселеніе славянъ, про образованіе Кіевского государства. Исторія его доводится до XII вѣка. Потомъ переходитъ къ вел. княжеству Владимірскому, а отъ него, въ XIV в., къ княжеству Московскому, причемъ излагается вся исторія Московскаго государства и имперіи. Что касается исторіи украинско-русскихъ и бѣлорусскихъ земель, которыя оставались за границами Московскаго государства, то иногда берутся изъ нея нѣкоторые эпизоды (государство Даниіла, образованіе литовскаго государства, унія его съ Польшею, церковная унія, войны Хмельницкаго), а иногда и вовсе не берутся. Но, во всякомъ случаѣ, съ присоединеніемъ этихъ земель [къ русскому государству онѣ перестаютъ быть предметомъ исторіи].»

Схема эта старая. Она ведетъ свое начало отъ исторіографической схемы московскихъ книжниковъ. Въ основѣ лежитъ генеалогическая идея московской династіи. Схему эту положилъ въ основаніе своей исторіи Карамзинъ. Она была перенесена затѣмъ механически на исторію народа, его культуры, права и т. д. Къ ней привыкли и совершенно не замѣчаютъ тѣхъ неудобствъ и нераціональностей, которыя она влечетъ за собой. Благодаря ей исторія великорусскаго народа остается, напр., безъ начала, такъ какъ владимірско-московское государство считаютъ преемникомъ государства Кіевского. Между тѣмъ Кіевское государство, его право, культура были произведеніями одной народности—украинской, владиміро-московское—другой, великорусской. Послѣднее выросло на своемъ корнѣ. Благодаря той же схемѣ исторія украино-русской народности остается также безъ начала; ею начинаютъ инте-

ресоваться только съ XVI в., и она обращается въ какой-то рядъ разрозненныхъ, не связанныхъ между собой эпизодовъ. Еще хуже обстоитъ дѣло съ исторіей бѣлорусскаго народа.

Въ теоріи уже давно признано, что въ исторіи главное вниманіе должно быть перенесено на исторію народа, исторію общественности. Политическая, государственная жизнь—элементъ важный въ исторіи, но далеко не единственный, а потому исторія государства не можетъ замѣнить собой и не должна заслонять исторіи народностей. «Общерусской» исторіи не можетъ быть, какъ нѣтъ «общерусской» народности. Можетъ быть только исторія всѣхъ русскихъ народностей, или исторія восточнаго славянства. Она, по мнѣнію проф. М. С. Грушевскаго, и должна стать на мѣсто теперешней «русской» исторіи. Послѣдняя должна потерять эклектическій характеръ сшиванья въ одно цѣлое отдѣльныхъ эпизодовъ изъ исторіи разныхъ народностей. Не можетъ быть трудностей написать исторію бѣлорусской народности. Исторія великорусской народности почти готова. Стоитъ только выключить Кіевскій періодъ, пришитый случайно, придѣлать начальный періодъ зарожденія и развитія великорусской народности и очистить ея исторію отъ эпизодовъ исторіи украинской и бѣлорусской народности.

Написать исторію украинской народности на основаніи этой схемы и задумалъ М. С. Грушевскій.

Потребность въ общей исторіи Украины чувствовалась и сознавалась уже давно. Мысль написать ее существовала еще въ XVIII вѣкѣ. Г. А. Полетика и А. И. Чепа тогда уже усиленно собирали матеріалы для украинской исторіи. Что-то въ родѣ общей исторіи Украины мы видимъ въ знаменитой «Исторіи Руссовъ». Несомнѣнно, она явилась какъ результатъ осознанной украинскимъ обществомъ потребности.

Въ 1822 году Д. И. Бантышъ-Каменскій издалъ свою «Исторію Малой Россіи». Несмотря на многіе ея недостатки на отсутствіе серьезной критики, «Исторія Малой Россіи» выдержала три изданія. Въ это же самое время писалъ исторію Малороссіи и А. И. Мартосъ. До насъ дошли только небольшіе изъ нея отрывки. Въ 1842 г. вышла въ свѣтъ пятитомная неудачная «Исторія Малороссіи» Маркевича.

Исторія Маркевича появилась уже въ то время, когда къ исторической наукѣ стали предъявляться болѣе строгія требованія. Историческихъ матеріаловъ было мало, они были не собраны, не изданы, не изслѣдованы. Началась поэтому мо-

нографическая разработка украинской истории, исследование определенных периодов ее, отдельных вопросов и т. д. Таковы, напр., были исследования по украинской истории Костомарова, Лазаревского, Антоновича, О. И. Левицкого, С. Т. Голубева и др.

Исследование материалов по украинской истории Бодянским, Археографической Комиссией, появление их в других изданиях, наконец, деятельность «Киевской Старины» в значительной степени подвинули разработку украинской истории. Мысль о необходимости общего обзора украинской истории стала все настойчивее и настойчивее высказываться в украинских и научных, и общественных кругах. В 1903 г. в Киев появилось даже новое издание Истории Малой России Бантыша-Каменского в старом, неисправленном виде. Настолько велика была потребность в общем обзор украинской истории.

Научные деятели считали невозможным, однако, при тогдашнем состоянии знаний, написать украинскую историю, которая бы соответствовала научным требованиям. Но все-таки, уступая общественному настроению, «Киевская Старина» в январь 1896 года объявила конкурс на составление научно-популярного очерка «Истории Южной Руси» по программ, разработанной специалистами, главным образом, помнится, проф. В. Б. Антоновичем и О. И. Левицким. «История Южной Руси» имела в виду «свести во-едино существеннейшее, что дала детальная разработка вопросов южно-русской истории, приспособив изложение к интересам и потребностям большой публики». Заранее намечалось и лицо, которое могло выполнить задачу, — Александра Як. Ефименко. Написанный ею труд под названием «История украинского народа» появился в печати однако десять лет спустя в издании Брокгауз-Ефрона.

Мысль написать цѣльную историю Украины зародилась у М. С. Грушевского самостоятельно до получения профессорской кафедры во Львовѣ, когда онъ еще былъ въ Киевѣ. Ему казалось это дѣломъ чести своей и своего поколѣнія, какъ онъ говоритъ въ своей автобіографіи. Сначала онъ предполагаетъ написать краткую историю, такъ сказать, популярную, въ трехъ небольшихъ томахъ, которые бы обнимали древній, литовско-польскій и новый періодъ. Но занятіе кафедры во Львовѣ, чтеніе общаго курса украинской истории и болѣе близкое знакомство съ источниками и литературой

привели проф. Грушевскаго къ иной мысли. Онъ пришелъ къ заключенію, что нужно сначала написать широкую и строго-научную исторію Украины, а затѣмъ уже передѣлать ее въ краткую и популярную. Такъ онъ и поступилъ. Его «Очеркъ исторіи украинскаго народа», выдержавшій съ 1905 г. уже три изданія, и его иллюстрированная исторія Украины на украинскомъ (2 изданія) и русскомъ языкахъ являются въ значительной своей долѣ сокращеніемъ большой его «Історіі України-Руси». Особенно это нужно сказать про древній и литовскій періодъ украинской исторіи.

Къ составленію «Історіі України-Руси» М. С. Грушевскій приступилъ въ 1897 году. До настоящаго времени вышло уже семь полныхъ томовъ, доведенныхъ до 1638 года. Изъ восьмого тома въ печати пока появилось два выпуска, имѣющихъ въ виду обзоръ десятилѣтія предъ возстаніемъ Богдана Хмельницкаго, время такъ-называемаго «золотого покоя». Нѣкоторые изъ этихъ томовъ выдержали уже по нѣскольку изданій. Въ 1913 году первый томъ «України-Руси» появился въ третьемъ изданіи, значительно переработанномъ. Вообще «Історія України-Руси» имѣетъ уже и свою исторію. Нѣкоторые изъ томовъ переведены на русскій языкъ («Кіевская Русь», Казачество, 2 т.). Первый томъ имѣется и въ нѣмецкомъ изданіи.

Мы уже говорили что внѣшнія рамки «Історіі України-Руси» опредѣляются той схемой, о которой была рѣчь выше. Первый томъ исторіи доведенъ до начала XI вѣка, до смерти Владиміра Св. Къ этому времени кіевское (русское) княжество было не только объединено въ династическомъ смыслѣ, но и въ религіозно-культурномъ.

Во «вступительныхъ замѣткахъ» авторъ высказываетъ рядъ мыслей, имѣющихъ не специальное, а общее значеніе. Во-первыхъ, относительно названія украинскаго народа, иначе называемаго «малорусскимъ», «южно-русскимъ», просто «русскимъ» или «руси́нскимъ». Само по себѣ разнообразіе названій не имѣетъ значенія. Понятіе, которое покрываютъ они, ясно. Но разнообразіе интересно въ другомъ отношеніи, какъ характеристичное проявленіе тѣхъ переменъ, которыя пришлось пережить украинскому народу. Его старое историческое имя — Русь, русинъ, русскій — было присвоено великороссійскимъ народомъ¹⁾. Уже въ XVI в., когда центр

¹⁾ «У южно-русскаго народа какъ-будто было похищено его прозвище», — говоритъ Костомаровъ. Сочин., кн. I, т. I, стр. 37.

политической жизни передвинулся въ сторону великороссійскую, а украинская политическая жизнь сконцентрировалось въ Западной Украинѣ, въ княжествѣ галицко-волинскомъ, этому послѣднему стало присваиваться названіе «Малой Руси». Потомъ это названіе выходитъ изъ употребленія и появляется тамъ въ XVII в., когда украинскій народъ вошелъ въ составъ Московскаго государства и когда нужно было отличить его отъ народа великороссійскаго. Съ той поры названіе это получаетъ надолго официальное значеніе и переходитъ въ языки Западной Европы. Но среди украинскаго общества это названіе не привилось окончательно. Болѣе широкое употребленіе получили названія: Украина, украинскій. Это старое, народное названіе было принято литературнымъ возрожденіемъ XIX в. Для того, чтобы связать новую украинскую жизнь съ древнимъ періодомъ ея въ послѣдней четверти XIX в., стали употреблять названіе Украина-Русь. Но это сложное названіе постепенно вытѣсняется болѣе простымъ — Украина, украинскій (т. I, стр. 1—2).

По мѣрѣ развитія украинской національной жизни въ наукѣ все меньшую и меньшую остроту получаетъ вопросъ объ отдѣльности украинскаго языка и украинской исторіи. Правда, споры еще не закончены, въ нихъ привносятся элементы далеко не научнаго характера, но, несомнѣнно, за послѣднее время научное мнѣніе все больше и больше склоняется въ сторону культурной и національной полноправности украинскаго народа. Изученіе языка, культуры и антропологии украинцевъ обнаруживаетъ въ нихъ результатъ очень долгаго историческаго процесса и даетъ право связать различныя украинскія группы въ одинъ украинскій народъ, какъ живую національную индивидуальность (ibid. 6).

Украинскому народу въ цѣломъ никогда не приходилось жить особно политическою и національною жизнью. А приходилось это лишь отдѣльнымъ его частямъ.

Интенсивною политическою жизнью украинскій народъ жилъ только въ первые вѣка своего историческаго существованія. Имъ было основано кіевское государство. Но оно скоро вырождается, политическая сторона его жизни слабѣетъ; значеніе пріобрѣтаютъ только соціальныя и культурныя процессы, имѣвшіе притомъ болѣе мѣстный характеръ. Политическая жизнь переходитъ въ Западную Украину, въ галицко-волинское княжество. Со середины XVI в. украинскій народъ начинаетъ входить въ составъ другихъ чужихъ государствъ. Тамъ

онъ является или простымъ пассивнымъ объектомъ управленія, или же находится въ острой оппозиціи къ государственному строю. На политическую жизнь украинскій народъ въ это время не имѣлъ никакого вліянія Единственнымъ содержаніемъ исторіи его являются экономическіе и культурные процессы. Послѣдніе и придаютъ единство исторіи украинскаго народа, несмотря на политическую раздробленность его. Обыкновенно дѣлали такъ: слѣдя за исторіей политическихъ организацій, куски украинской исторіи пришивали то къ одному, то къ другому государству,—къ Польшѣ или къ Москвѣ. Украинская исторія распадалась на рядъ несвязанныхъ между собою эпизодовъ. Наоборотъ,—говоритъ проф. Грушевскій,—исторія эта становится органически цѣльною, когда въ основу ея изслѣдованія мы кладемъ соціальный и культурный процессъ, гдѣ преемственность никогда не прерывалась, несмотря на перемѣны въ его основѣ подъ вліяніемъ историческихъ и общественныхъ условій Соціальный и культурный процессъ является для украинскаго историка руководящей нитью въ его изслѣдованіяхъ отъ нашихъ дней до временъ доисторическихъ.

Въ связи съ этимъ основнымъ взглядомъ построена М. С. Грушевскимъ и его Исторія України-Руси, главнымъ содержаніемъ которой является исторія культуры и общественной жизни.

Началомъ исторической жизни украинскаго народа М. С. Грушевскій считаетъ IV вѣкъ послѣ Р. Х. До того времени объ украинскомъ народѣ можно говорить только какъ о части славянской группы и исторію его угадывать въ общей исторіи славянскихъ племенъ. Разселеніе украинско-русскихъ племенъ на территоріи, гдѣ они и теперь живутъ, совпадаетъ съ началомъ исторической жизни украинскаго народа. Столѣтіе спустя было организовано Русское государство; этимъ кончается первый періодъ исторической жизни украинскаго народа. Стараніемъ кіевскихъ князей и дружинъ украинскія племена были объединены. Это обстоятельство отразилось на ихъ культурѣ и общественной жизни. Принятіе христіанства, культурныя связи съ Византіей, распространеніе кіевского права и общественно-политическаго строя вліяли на народную жизнь. Общественно-экономическая эволюція этого періода характеризуется такими фактами, какъ отдѣленіе громады отъ дружины, появленіе купеческо-боярскаго, капиталистически-земельнаго класса, сильное развитіе, а затѣмъ упадокъ торговли и промышленности и т. д. (I, 18—19).

Изложенію этихъ явленій и перемѣнъ въ жизни украинскаго народа посвящены первые три тома Історіи України-Руси.

Средина XIV вѣка открываетъ новый періодъ въ его исторіи. Украинскія земли въ это время входятъ въ составъ Литвы и Польши. Вмѣстѣ съ этимъ въ сферѣ культурной перевѣсъ беретъ западно-европейское вліяніе надъ византійскимъ; въ экономической сферѣ наблюдаемъ ускореніе процесса образованія привилегированнаго класса и порабощенія имъ народной массы. На-ряду съ этимъ привилегированные классы отрываются отъ народной массы въ культурномъ и національномъ отношеніяхъ. Выработанныя раньше формы жизни подпадаютъ вліянію польскаго и заимствованнаго Польшей римскаго и нѣмецкаго права. Отчасти они вытѣсняются, отчасти остаются, въ видѣ обычнаго права, принадлежностью только сельскихъ массъ. Антагонизмъ народныхъ массъ къ правительству и привилегированнымъ классамъ усиливается и обостряется враждою національною и религіозною. Результатомъ такого рода отношеній является сначала культурно-религіозное національное движеніе. Оно открываетъ путь къ конфликту политическому съ оружіемъ въ рукахъ. Благодаря условіямъ колонизаціи юго-восточной Украины конфликтъ этотъ начался въ концѣ XVI в. на Поднѣпровьѣ (I, 19—20). Этому періоду украинской исторіи посвящены IV—VI тт. исторіи Грушевскаго.

Далѣе, въ послѣдующихъ томахъ, идетъ изложеніе исторіи народной борьбы съ враждебнымъ общественно-экономическимъ строемъ въ цѣляхъ его уничтоженія и созданія новаго на началахъ народнаго идеала справедливости. Общественно-экономическая борьба соединяется съ религіозною и національною и захватываетъ чрезвычайно широкій кругъ интересовъ, волнуя всѣ общественныя классы отъ верху до низу. Аrenoю этой борьбы служитъ восточная Украина.

На изображеніи этой борьбы пока и остановился трудъ М. С. Грушевскаго, прерванный начавшейся великой европейской войной.

Мы, конечно, не можемъ останавливаться на подробномъ разборѣ его. Укажемъ только на существенныя его особенности.

Когда проф. М. С. Грушевскій началъ писать свою Історію України-Руси, среди специалистовъ существовало убѣжденіе, то по состоянію знаній такой исторіи написать нельзя. Сво-

имъ трудомъ М. С. Грушевскій блестяще опровергъ этотъ предразсудокъ. Въ этомъ отношеніи онъ въ украинской исторіографіи сыгралъ роль, подобную С. М. Соловьеву въ исторіографіи русской. Сходство ихъ заключается въ томъ, что какъ тотъ, такъ и другой внесли въ свое дѣло массу самостоятельнаго труда, привлекая множество новыхъ, малоизвѣстныхъ, а иногда и вполне неизвѣстныхъ источниковъ, критически разсмотрѣли ихъ и сдѣлали научную оцѣнку. Есть и различіе: Соловьеву приходилось имѣть дѣло преимущественно съ русскими источниками и архивами; Грушевскій по характеру своихъ занятій долженъ былъ обращаться къ архивамъ не только русскимъ, но польскимъ и галицкимъ. Соловьевъ въ своей исторіи мало обращалъ вниманія на существовавшую уже литературу того или иного вопроса; Грушевскій, напротивъ, широко привлекалъ эту литературу. Въ этомъ отношеніи трудъ его опирается не только на источники, но и на всестороннее изученіе литературы предмета. Его указатели литературы по отдѣльнымъ вопросамъ являются первыми въ своемъ родѣ, и онъ первый собственно ее систематизировалъ по отношенію къ украинской исторіи. Одно ужъ это составляетъ важную заслугу его въ украинской исторіографіи.

Почти всѣ томы его сопровождаются въ приложеніи отдѣльными научными экскурсами и примѣчаніями по отдѣльнымъ вопросамъ. Таковы, напр., экскурсии о лѣтописи и о нормандской лѣтописи въ первомъ томѣ, гдѣ они являются цѣлыми обстоятельными изслѣдованіями, Примѣчанія (примѣтки) содержатъ или указаніе литературы или рядъ замѣчаній автора критическихъ или фактическихъ, по вопросамъ, затронутымъ въ текстѣ, дополняющихъ, разъясняющихъ ихъ или ставящихъ по поводу ихъ рядъ вопросовъ для разрѣшенія.

Вѣрный своему методу, М. С. Грушевскій и въ своей «Исторіи» примѣняетъ его со всей послѣдовательностью. Благодаря этому, напримѣръ, многія легенды, особенно о первыхъ временахъ казачества, имъ разрушаются безпощадно. Конечно, не со всѣми выводами его можно соглашаться, но дѣлаетъ онъ ихъ съ большой осторожностью. Это же нужно сказать и относительно гипотезъ, разъясненныхъ въ книгѣ, которыя неизбежны при недостаткѣ и неясности матеріаловъ.

Наиболѣе существенными частями труда проф. Грушевскаго, вносящими много свѣжаго, новаго въ исторіографію, намъ представляется та часть перваго тома, которая заключаетъ въ себѣ тщательно собранныя данныя о доисториче-

скомъ времени на украинской территоріи, о разселеніи славянскихъ племенъ, ихъ культурѣ и бытѣ. Говоря о славянахъ и антахъ въ VI в., проф. Грушевскій видитъ въ нихъ двѣ особыхъ этнографическихъ славянскихъ вѣтви. Славяне были названіемъ южныхъ славянъ, анты—восточныхъ, которые были предками украинскаго народа (I, 176—177). Мнѣніе это, какъ извѣстно, принято въ настоящее время академикомъ А. А. Шахматовымъ („Введение въ курсъ исторіи русскаго языка“, ч. I, Петр., 1916 г., стр. 46).

Большую важность имѣютъ томы «Исторіи» IV—VI, относящіеся къ литовско-русской порѣ. Завоеваніе украинскихъ земель, колонизація ихъ, организація управленія, соціальный и религіозный строй и пр. — все это вопросы малоизслѣдованные, представляющіе собой много еще неяснаго. Исторія України-Руси вноситъ въ нихъ немало новаго, равно какъ и въ начальную исторію казачества, начиная съ VII тома.

На казачество проф. Грушевскій смотритъ какъ на явленіе бытовое, выросшее на почвѣ соціальныхъ условій Речи Посполитой и особенностей украинской колонизаціи. Вопросы колонизаціи особенно занимаютъ проф. Грушевскаго, выясненію ихъ посвящено немало страницъ въ его исторіи. Большое вниманіе удѣлено авторомъ культурно-религіозному движенію на Украинѣ. Въ этой части онъ, впрочемъ, имѣлъ немало солидныхъ предшественниковъ среди ученыхъ изслѣдователей, а поэтому страницы, посвященные этому вопросу, несмотря на ихъ интересъ, представляютъ мало новаго, оригинальнаго сравнительно съ другими частями труда.

Научная дѣятельность проф. Грушевскаго проявилась не только въ авторствѣ, профессорствѣ, но и въ издательствѣ и научной инициативѣ. Оцѣнить ее болѣе или менѣе полно можно будетъ тогда, когда мы примемъ во вниманіе ходъ и развитіе украинской исторіографіи. Со времени Костомарова мы не имѣемъ другого историка, который бы проявилъ такую кипучую и разностороннюю дѣятельность, какъ Грушевскій.

Мы уже отмѣчали, что въ украинской исторіографіи преобладаютъ монографіи. Проф. Грушевскій также началъ съ нихъ, но затѣмъ перешелъ къ систематическому изложенію украинской исторіи въ цѣломъ. Это было явленіе совершенно новое въ исторіографіи и даже, какъ мы знаемъ, неожиданное, трудно допускавшееся специалистами. Разнообразіе вопросовъ, самыхъ основныхъ, затронутыхъ въ «Исторіи України-Руси», бо-

гатыи матеріалъ, осторожность и важность взглядовъ дѣлають этотъ трудъ центральнымъ въ современной украинской исторіографіи.

Помимо научнаго, трудъ проф. Грушевскаго имѣетъ еще и большое національное значеніе. Возрожденіе всѣхъ славянскихъ народностей начиналось или укрѣплялось съ появленіемъ на народномъ языкѣ ихъ научной исторіи. Такой исторіи не было у украинскаго народа до появленія «Исторіи» проф. Грушевскаго. Появленіе ея — фактъ большой важности въ жизни этого народа. Оттого, надо полагать, «Исторія» и была встрѣчена съ такой злобой въ нѣкоторыхъ кругахъ.

Злоба, вѣроятно, скоро пройдетъ, а большое національное и научное дѣло надолго сохранить свое значеніе. Для дѣятелей исторической науки нужно только желать, чтобы М. С. Грушевскій могъ скорѣе вернуться къ нормальной научной работѣ, которая претерпѣла такую пертурбацію въ связи съ войной.

Ник. Василенко.

Настражъ національнаго достоинства.

Къ характеристикѣ публицистической дѣятельности проф. М. С. Грушевскаго

I.

Въ современной литературѣ публицистика занимаетъ совершенно особое, самостоятельное и притомъ все расширяющееся мѣсто. Было время, когда она являлась лишь подсобной отраслью изящной литературы, какимъ-то не всегда законнымъ и даже желательнымъ придаткомъ къ литературной критикѣ. Смѣшивать эти области находилось тогда тѣмъ охотниковъ—не по собственному желанію, а поневолѣ, ибо условія были таковы, что только въ рамкахъ изящной литературы или по поводу литературныхъ явленій,—слѣдовательно, всегда до извѣстной степени замаскированно,—и было возможно высказываться объ общественныхъ вопросахъ. Воспроизводить программу должного приходилось, отправляясь не отъ сущаго, а отъ тѣхъ отраженій, часто неполныхъ и не совсѣмъ вѣрныхъ, которыя это сущее находило въ литературѣ. Публицистика, наиболѣе животрепещущая по самому своему существу область литературы, какъ это ни странно, была въ то же время наиболѣе ограничена въ возможности касаться животрепещущихъ темъ. Формально она наиболѣе отстояла отъ живого біенія жизни, плетясь въ хвостѣ изящной литературы и въ зависимости отъ ея художественныхъ отраженій, прикрываясь формами критическаго отношенія къ этимъ послѣднимъ. Именно благодаря своей злободневности, съ точки зрѣнія „господъ, на заставахъ мысли команду имѣющихъ“, публицистика являлась чѣмъ-то до такой степени незаконнымъ, что лишь контрабанднымъ способомъ, подъ чужимъ флагомъ, искусно завивая мысли въ формы эзоповскаго языка, публицисты могли провозить свой воспрещенный къ обращенію, нелегальный грузъ. Провозили, конечно, не всегда удачно, въ цѣлости и неповрежденности, жертвуя наиболѣе, быть можетъ, цѣнными и яркими его частями, лишь бы сохранить и провезти хоть что-нибудь. Явленіе это общее для всѣхъ

странъ, гдѣ начала личной и общественной свободы не нашли еще примѣненія на практикѣ и гдѣ активное отношеніе къ вопросамъ общественности составляло предметъ своего рода монополіи или привилегіи специально къ этому прикомандированныхъ чиновниковъ. И лишь по мѣрѣ раскрытія жизни отъ всевозможныхъ стѣсненій и связаннаго съ нимъ развитія текущей прессы, по мѣрѣ вторженія ея въ заповѣдныя области недавнихъ монополій—эмансипируется публицистика и начинаетъ приобретать самостоятельное значеніе, хотя долго еще исторически выработанные формы, навыки и приемы публицистической работы сохраняются и при измѣнившихся условіяхъ—по традиціи, какъ пережитокъ прошлаго. Въ послѣднее время почти вездѣ публицистика получила уже нѣкоторую—гдѣ большую, гдѣ меньшую,—возможность говорить своимъ собственнымъ языкомъ, не встрѣчая непремѣнной нужды прятаться за чужую спину. И въ зависимости отъ того, какъ она выполняетъ свою работу, намѣчается два типа писателей на общественныя темы.

Одни занимаются обсужденіемъ общественныхъ вопросовъ и явленій, не углубляясь въ сущность ихъ, изо дня въ день лишь слѣдя за общественной жизнью и на-лету отражая ея настроенія, исходя отъ факта и къ нему же и возвращаясь, не подводя подъ свои построенія широкаго теоретическаго фундамента. Это публицисты, я сказалъ бы, фотографы, дающіе моментальные снимки дѣйствительности, но не претендующіе на синтезъ, который всегда является результатомъ нѣкоторой способности къ отвлеченію, къ подведенію частныхъ, разрозненныхъ фактовъ подъ общія начала. Ихъ забота распространяется лишь на нынѣшній день, на удовлетвореніе потребности момента, видимое воплощеніе ихъ работы съ тѣмъ же днемъ гибнетъ, какъ гибнетъ и тотъ газетный листъ, въ которомъ большею частью появляются такіа одnodневныя произведенія. Это не значитъ, конечно, что работа такихъ писателей бесплодна, ибо, по выраженію Герцена, она гибнетъ „въ мозгахъ читателя“, оставляя тамъ постоянныя и потому очень прочныя слѣды. Это значитъ только, что выраженіе „довлѣтъ дневи злоба его“ по отношенію къ такой публицистикѣ нужно понимать буквально, что она ничѣмъ инымъ и не задается, какъ лишь отраженіемъ и истолкованіемъ даннаго момента, злободневныхъ событій, настроеній и переживаній, не приводя ихъ къ нѣкому „одному знаменателю“.

Въ иномъ положеніи находится публицистика другого рода, представляющая не одни отклики на современную жизнь, не однѣ попытки ея фотографированія и мимо-летнаго объясненія. Здѣсь уже имѣютъ мѣсто и построения, въ связи съ тѣми или иными событіями, общаго фундамента для нихъ, созданіе цѣлыхъ общественныхъ программъ, установленіе широкихъ принциповъ, охватывающихъ по возможности всѣ явленія даннаго порядка. Публицистика этого рода также стправляется отъ фактовъ, исходитъ часто изъ тѣхъ же злободневныхъ событій, но отношеніе къ нимъ у нея иное, цѣли ея существенно разнятся отъ того моментальнаго освѣщенія, которое преслѣдуется публицистикой перваго типа. На первомъ планѣ вниманія здѣсь не эти часто разрозненные и изолированные факты, а общее ихъ истолкованіе, приведеніе ихъ въ извѣстную систему, подведеніе подъ нихъ теоретическихъ началъ общественной науки, вскрытіе основныхъ ихъ причинъ и болѣе или менѣе глубокое освѣщеніе возможныхъ послѣдствій. Такой публицистъ, котораго, въ отличіе отъ предыдущаго типа, можно назвать публицистомъ-художникомъ, перерабатывающимъ и освѣщающимъ злободневные вопросы жизни съ точки зрѣнія общихъ началъ, всегда имѣетъ въ виду нѣчто большее, чѣмъ прямое и непосредственное истолкованіе даннаго факта или цѣлой группы фактовъ, и всегда приходитъ къ выводамъ и обобщеніямъ, въ которыхъ данные факты являются лишь звеномъ въ общей цѣпи построенія, лишь иллюстраціей къ нѣкоторымъ высшимъ началамъ общественной жизни. Для него важенъ не столько фактъ или событія, какъ таковыя, сколько философія ихъ, выводы, подведеніе подъ данныя явленія жизни широкой и прочной базы общественной науки. Эта наклонность къ обобщенію и использование научныхъ методовъ позволяетъ такому писателю на общественныя темы часто предугадывать тенденціи будущаго на основаніи всесторонняго анализа настоящаго, формулировать ясно и категорически то, что носится еще только въ смутныхъ очертаніяхъ не выкристаллизовавшихся настроеній, угадывать скрытыя возможности за видимыми формами событій. Все это даетъ возможность глубже проникнуть въ смыслъ совершающагося и ярче проявить свое участіе въ томъ процессѣ общественнаго строительства, которое является главной цѣлью публицистики. Темпераментъ публициста здѣсь служить лишь орудіемъ въ рукахъ соціолога, на фактахъ теку-

щей дѣйствительности повѣряющаго и испытывающаго прочность тѣхъ или иныхъ построеній общественной науки. И если публицисты перваго типа заготавливаютъ матеріаль для общественнаго строительства, производятъ кирпичи для стройки, то публицистъ-соціологъ возводитъ уже самое зданіе, руководитъ общественнымъ мнѣніемъ, направляя его въ русло тѣхъ или иныхъ программныхъ построеній. Онъ является дѣйствительнымъ истолкователемъ жизни, истиннымъ „властителемъ думъ“ современности, и его творенія, несмотря на ихъ злободневность, переживаютъ эту злобу дня, часто переживаютъ и самого автора, представляя для даннаго времени документы въ подлинномъ смыслѣ историческіе, т.-е. тѣсно связанные съ внутренней жизнью общества въ данный моментъ. Какъ чутко отражающій общественную жизнь въ ея не случайныхъ и частныхъ, а общихъ и органическихъ проявленіяхъ, такой публицистъ служить лучшимъ выразителемъ настроеній и чаяній общества, показателемъ того, куда оно стремится въ лицѣ своихъ виднѣйшихъ представителей и руководителей.

Къ публицистамъ этого рода въ украинской литературѣ относится проф. М. С. Грушевскій.

II.

Весьма характерными и въ нѣкоторомъ смыслѣ показательными представляются уже обстоятельства самаго появленія на публицистической аренѣ этого виднѣйшаго представителя современной украинской политической мысли.

По времени своего выступленія въ качествѣ литературнаго дѣятеля М. С. Грушевскій принадлежитъ къ поколѣнію 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Первые его литературныя произведенія, въ видѣ беллетристическихъ опытовъ, появляются въ половинѣ 80-хъ годовъ, но долгое время участіе М. С. Грушевскаго въ собственно литературной жизни было довольно спорадическимъ и случайнымъ, такъ какъ вниманіе его было отвлечено въ другую сторону. Вслѣдъ за первыми же литературными опытами онъ отходитъ въ область науки, которой главнымъ образомъ и отдаетъ свои силы, выдающуюся трудоспособность и энергію. 90-е годы и первая половина 900-хъ годовъ проходятъ для него въ организациі научной работы при извѣстномъ „Науковомъ Товариствѣ імени Шевченка“ во Львовѣ и въ занятіяхъ около созданія такого капитальнаго произведенія, какъ многотомная „Історія

України-Руси“, первый томъ которой появляется въ 1898 г. Поглощенный почти исключительно научной дѣятельностью, историкъ мало удѣляетъ вниманія современности. По крайней мѣрѣ изъ этого времени мы можемъ указать всего лишь нѣсколько статей М. С. Грушевскаго, въ которыхъ трактуются вопросы текущей общественной жизни (изъ нихъ наиболѣе интересны „Листи з-над Полтави“ подъ псевдонимомъ *Observator* въ „Л.-Н. Вістникъ“ 1899 г.). Время вообще стояло тогда сумеречное, далекое отъ какихъ бы то ни было широкихъ надеждъ, чуждое размаха общественныхъ силъ, не вызывавшее къ борьбѣ за непосредственныя достиженія сегодняшняго дня. И казалось, что въ М. С. Грушевскомъ окончательно возьметъ перевѣсъ кабинетный ученый, который одарить родную науку капитальными работами, но въ остальныхъ областяхъ общественной дѣятельности будетъ лишь рѣдкимъ случайнымъ гостемъ, который уже въ силу самой спорадичности своего появленія не въ состоянїи оставить прочныя слѣды. На основанїи предыдущаго можно было думать, что кругъ дѣятельности его какъ ученаго уже окончательно опредѣлился; что событія, если они настанутъ, пойдутъ безъ его ближайшаго участія, можетъ быть, даже мимо него; что работниками и борцами явятся другія лица, уже опредѣлившіяся какъ исключительно общественные дѣятели. Но вотъ эти событія наступили,—пришелъ 1905 г...

„Поколебалась земля и рушились ея основы“,—такъ начинается статья М. С. Грушевскаго „Українство і питання дня въ Росїї“, которой собственно можно датировать выступленіе автора на арену журналистики. „Громкія событія, вереницей прошедшія предъ нашими глазами, постучались въ крышку гроба, которой придавило ее (Украину) чужое насиліе, и пробудили ее изъ летаргическаго сна, въ который ввергла ее безпомощность и апатія ея собственныхъ сыновъ. Она не умерла, не умерла... Но не умереть еще не значить жить,—жить той полной жизнью, къ которой зовутъ событія всѣхъ, въ комъ не изсякла еще жизненная энергія“. Событія постучались и въ кабинетъ ученаго, въ которомъ, конечно, жива была эта жадность къ жизни и ея запросамъ, и, повинувся могущественному кличу развертывающихся событийъ, М. С. Грушевскій бросается въ вихрь жизни, слѣдитъ за капризной смѣной происходившаго, за приливомъ и отливомъ освободительнаго движенія, откликаясь на всѣ его вопросы и перспективы живымъ, горячимъ, убѣжденнымъ словомъ. Неожиданно для многихъ родился силь-

ный и оригинальный публицистъ съ настоящимъ темпераментомъ борца, съ умѣніемъ трезво оцѣнить событія, указать въ нихъ не только то, что бросалось непосредственно въ глаза, но и то, что являлось скрытымъ отъ наблюдателей, какъ нарождающаяся возможность, способный итти „противъ теченія“, „равною мѣрою“ отмѣрять и врагамъ, и попутчикамъ по открывающейся дорогѣ. Мнѣ кажется, что въ приведенныхъ выше словахъ необыкновенно мѣтко схвачена и ярко передана сущность той повелительной причины, которая,—можетъ быть, неожиданно и для самого автора,—отвлекла его отъ привычной дѣятельности и направила на новую дорогу. Какъ бы то ни было, но только съ этого времени М. С. Грушевскій уже не гость,—разумѣется, всегда желанный,—въ журналистикѣ, а одинъ изъ виднѣйшихъ ея участниковъ. Его статьи на темы дня регулярно появляются почти въ каждой новой книжкѣ руководимаго имъ журнала, а также и въ другихъ изданіяхъ, какъ украинскихъ, такъ и отводящихъ извѣстное мѣсто украинскому вопросу; онѣ привлекаютъ общее вниманіе, какъ авторитетный голосъ признаннаго вождя украинскаго движенія. Характерно, что въ этомъ смыслѣ первыми, быть можетъ, оцѣнили значеніе его публицистической дѣятельности враги украинскаго движенія. Именно они сдѣлали М. С. Грушевскаго мишенью самыхъ ожесточенныхъ нападокъ, на его личности сосредоточивъ всю свою безграничную ненависть и слѣпую злобу противъ возродившейся націи, осыпая его градомъ личныхъ выходокъ, мелочныхъ инсинуацій и злобствующаго шипѣнія. И это понятно: въ борьбѣ крупныя фигуры всегда отвлекаютъ на себя преимущественное количество ударовъ, предназначенныхъ изъ вражескаго стана. Но онѣ же, эти крупныя фигуры, являются и центромъ, вокругъ котораго группируются единомышленники,—и такой центральный фигурой современнаго украинства пришлось стать М. С. Грушевскому благодаря главнымъ образомъ его публицистической дѣятельности.

Въ журналистику онѣ, человекъ старшаго изъ дѣйствующихъ тогда на украинской аренѣ поколѣній, пришелъ совершенно готовымъ, во всеоружіи огромнаго научнаго образованія, выработаннаго всесторонне міровоззрѣнія, большого практическаго опыта и знаній въ сферѣ не только украинской и россійской, но и европейской жизни, съ запасомъ наблюденій надъ конституціонной практикой, съ

теоретической подготовкой къ разрѣшенію сложнѣйшихъ проблемъ современности, съ испытанными въ научной сферѣ методами оцѣнки событій. Въѣстъ съ тѣмъ онъ принесъ съ собою неизсякаемый источникъ кипучей энергіи, организаторскихъ способностей и той рабочей дисциплины, которая дается лишь годами упорнаго, усидчиваго труда. И,—что всего важнѣе для журналиста,—онъ въ высокой степени проявилъ эту отзывчивость къ кличамъ жизни, эту неутомимую способность искать съ ищущими, идти впередъ съ идущими, уча учиться самому и увлекать за собою другихъ, дѣйствуя то строго логическими, чисто научными аргументами, то рѣзкой, не знающей компромиссовъ формулировкой, то остроумнымъ словомъ, то яркой картинкою изъ прошлаго или удачно выбранной иллюстраціей изъ современности, то ѣдкой критикой или лирическими отступленіями. Самый стиль его, медленный и нѣсколько тяжеловатый въ научныхъ работахъ, рѣзко мѣняется въ публицистикѣ, приобретающая гибкость, блескъ и разнообразіе. Прибавьте къ этому украинскую оріентацію послѣдняго, такъ сказать, ея слова, научно разработанную и исторически обоснованную,—и вы будете имѣть полное объясненіе того вліянія, которымъ пользуется М. С. Грушевскій среди украинскаго общества, и той ненависти, которую возбуждаетъ самое имя его во вражескомъ станѣ. Человѣкъ хронологически иного поколѣнія, онъ сдѣлался вождемъ нашего времени, представителемъ всего живого, что бьетъ ключомъ жизни въ современномъ украинствѣ. Десятилѣтіе 1905—1914 гг. наполнено кипучей публицистической дѣятельностью М. С. Грушевскаго, несомнѣнно, въ ущербъ его научной дѣятельности. Любопытное совпаденіе: историкъ, который до этого времени почти каждый годъ выступаетъ съ новымъ томомъ главнаго своего труда, упомянутой „Історіи України-Руси“, теперь значительно замедляетъ темпъ своей научной продуктивности, давъ всего два тома за все десятилѣтіе. Можетъ быть, въ указанномъ замедленіи играли роль и какія-либо другія причины, но для меня ясно, что на долю увлеченія текущими задачами и вопросами момента придется отвести далеко не послѣднее мѣсто. И объ этомъ едва ли приходится сожалѣть. Какъ ни громадна заслуга ученаго историка, впервые истиннымъ свѣтомъ освѣтившаго наше прошлое, но не меньшей является и заслуга гражданина, озаряющаго настоящее на путяхъ къ будущему. Бываютъ даже моменты, когда, быть

можетъ, болѣе почетно дѣлать исторію, а не писать ее. Что же удивительнаго, если въ такомъ по преимуществу живомъ и отзывчивомъ человѣкѣ, какъ М. С. Грушевскій, первая задача на-время отодвинула и заслонила вторую?..

III.

Публицистическія работы М. С. Грушевскаго, печатавшіяся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, собраны въ трехъ книгахъ: „З біжучої хвилі“ (1907), „Наша політика“ (1911) и „Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ“ (1907). Но это лишь часть, и притомъ сравнительно скромная, его публицистическаго достоянія. Большая часть его остается разсѣяннымъ въ старыхъ книжкахъ журналовъ, главнымъ образомъ „Л.-Н. Вістника“, представляя поэтому матеріалъ сравнительно мало удобный для широкаго пользованія. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ публика вообще неохотно обращается къ старымъ журналамъ, а между тѣмъ почти каждая статья М. С. Грушевскаго заслуживаетъ вниманія или по затронутымъ въ ней вопросамъ, или по оригинальному ихъ освѣщенію, или по тѣмъ обобщеніямъ, на которыя наводятъ автора событія текущей жизни, или, наконецъ, по тѣмъ мыслямъ и замѣчаніямъ, которыя высказываются лишь полутно, но тѣмъ не менѣе пріобрѣтаютъ огромный интересъ въ свѣтъ общаго міровоззрѣнія автора и его отношенія къ событіямъ текущей дѣйствительности. Часто даже именно эти вскользь, въ видѣ намековъ, оброненныя замѣчанія, не развитыя во всѣхъ своихъ частностяхъ, говорятъ гораздо больше, чѣмъ специальная статья на опредѣленную тему, представляя какъ бы вѣхи, по которымъ постоянно движется мысль публициста, отвлекаемая къ непосредственнымъ задачамъ и злобамъ дня. Публицисту часто приходится оставлять свои особенно любимыя мысли, тщательно выношенные идеи недостаточно развитыми и освѣщенными, разъ текущій матеріалъ не даетъ для этого непосредственныхъ поводовъ. Отвлекаемый систематически злободневными заботами въ сторону, насильственно втиснутый въ рамки вопросовъ дня, онъ долженъ иногда ограничиваться лишь мимоходомъ брошеннымъ замѣчаніемъ огромной теоретической важности, надѣясь при первой же возможности къ нему возвратиться и очень часто не находя этой возможности въ условіяхъ текущей работы и нервнаго реагирования на привлекающія общее вниманіе явленія, которыя уводятъ его далеко отъ

лично его интересующей темы. Но, если заботливо собрать эти случайныя крошки, падающія со стола публицистической работы, то получится новое освѣщеніе ея, обнаруживаются пути, которыми подходить публицистъ къ разрѣшенію поставленныхъ себѣ задачъ. Такъ лабораторные опыты, невидимые для публики, оказываютъ тѣмъ не менѣе огромное вліяніе какъ на ходъ работы, такъ и на достигнутые результаты.

Выше я уже упомянулъ, при какой обстановкѣ возникаетъ собственно публицистическая дѣятельность М. С. Грушевскаго — не въ видѣ случайныхъ экскурсовъ въ область текущей жизни, но въ видѣ уже постоянной журнальной работы. «Поколебалась земля и рушились основы ея», — такова была, какъ мы знаемъ, эта обстановка, и естественно, что она наложила свой отпечатокъ не только на первыя работы М. С. Грушевскаго, но и вообще на всю его публицистическую манеру. Благодаря именно этой, боевой и нервной, обстановкѣ, нужно думать, усвоенъ авторомъ боевой тонъ, ищущая напряженность, нѣкоторая отрывочность его статей. Та же обстановка надолго опредѣлила и содержаніе ихъ. Украинство, какъ широкое общественное теченіе, выходитъ на сцену именно съ 1905 г., до тѣхъ поръ скрытое въ подпольѣ или принужденное лишь сдавленнымъ полусшепотомъ говорить о своихъ задачахъ. Предъ публицистомъ стояла настоятельная задача — вскрыть внутреннее содержаніе движенія, его основныя черты и задачи, его связи съ сопутствующими и конкурирующими теченіями, а равно и отношенія къ сосѣднимъ вопросамъ, смежнымъ проблемамъ, проверяя эти внутреннія и внѣшнія отношенія на фактахъ текущей жизни. Особенное вниманіе публициста должны были привлекать тѣ внутреннія броженія, которыя часто не находятъ своего выраженія въ волѣ, но тѣмъ не менѣе мужественнымъ образомъ сказываются на настроеніяхъ и тенденціяхъ, какъ своего рода потенціальная энергія, перемѣшающая иногда довольно неожиданнымъ образомъ центръ тяжести событій. Этими вопросами и занятъ М. С. Грушевскій въ своихъ публицистическихъ работахъ, къ обзору которыхъ мы и переходимъ.

Какъ историкъ, съ точки зрѣнія традицій прошлаго подходящій къ современности, онъ прежде всего устанавливаетъ историческія основанія и перспективы украинскаго движенія. «Время романтической идеализаціи старины, — писалъ онъ

въ одной изъ первыхъ своихъ работъ, — прошло безвозвратно, и нынѣ идеалы свои мы ищемъ не въ прошломъ, а въ будущемъ». Но при этомъ необходимо все-таки установить тѣ «историческія основы», на которыхъ зиждется развитіе украинской идеи, отмѣтить тѣ этапы, которыми проходила политическая мысль Украины. Найдя эти основы въ идеѣ федерализма, авторъ соединяетъ прошлое съ настоящимъ и будущимъ «линією, которая, начинаясь со столѣтія назадъ, приводитъ насъ къ тому моменту. въ которомъ находимся. Отбрасывая, — продолжаетъ М. С. Грушевскій, — формы отжившія или ошибочныя, получимъ наши «историческія основы», отмѣченныя стремленіями лучшихъ людей Украины. По проложенному ими пути выступаетъ теперь, когда падаютъ вѣковыя запоры, Украина въ свой походъ къ лучшей жизни. И пусть сознаніе многовѣковой работы мысли и энергіи ея поколѣній надъ разрѣшеніемъ политическихъ, соціально-экономическихъ и культурныхъ проблемъ окрыляетъ ея энергію въ стремленіяхъ къ своему обновленію, къ прогрессу, свободѣ и справедливости на почвѣ всесторонняго развитія народныхъ силъ» («Дорогою віків», сборникъ «З біжучої хвилі», стр. 45). Такое напутствіе на порогъ ожидавшагося обновленія украинской жизни, съ одной стороны, сообщаетъ публицистическимъ работамъ М. С. Грушевскаго строгое принципиальное основаніе, а съ другой — намѣчаетъ основную лінію его дѣятельности какъ публициста. «Та строгая принципиальная позиція, — писалъ онъ девять лѣтъ спустя, выступая противъ появившихся было надеждъ на постороннее содѣйствіе, — на которую поставили украинство идеологи украинскаго движенія въ Россіи, придаетъ ему особое значеніе для различныхъ національныхъ и политическихъ теченій, стоящихъ даже внѣ украинской сферы. Украинству принадлежитъ великое будущее въ центрѣ этихъ теченій и комбинацій» («Нова хвиля», «Л. Н. Вістник», 1914, I, 29) именно благодаря его принципиальной, не зависящей отъ минутныхъ перемѣнъ и увлеченій постановкѣ. Но чтобы пріобрѣсть такое значеніе, сдѣлаться силой будущаго, оно должно въ настоящемъ употребить всѣ усилія, чтобы выйти изъ того межумочнаго положенія, въ которое поставили его неблагоприятныя условія историческаго развитія; оно должно покончить съ колебаніями, ясно намѣтить пути и возможности и уже не отступать отъ нихъ. «Украинство въ Россіи должно выйти изъ рамокъ этнографической народности, стать политиче-

скимъ и экономическимъ факторомъ, принятыя за организацию украинской общественности какъ націи уже теперь, если не желаетъ остаться за флагомъ и опоздать снова на многія поколѣнія» («Українство і питання дня в Росії», — «З біжучої хвилі», 10). Особенно горячо возражаетъ М. С. Грушевскій противъ «антикварныхъ» замашекъ нѣкоторой, отсталой, части украинскаго общества, настаивая всегда на приданіи украинскому движенію современнаго политическаго характера, на принятіи имъ всѣхъ выводовъ политической теоріи и практики. «Украинцы должны стать націей, если не желаютъ остаться паріями среди народностей» (тамъ же, 15). Съ энергіей и настойчивостью писатель возвращается къ этой мысли, подчеркивая всегда связь между активностью общества и результатами его стремленій. «Нужно желать быть націей, необходимо работѣ въ этомъ направленіи посвятить всѣ силы, двинуть всѣ общественныя средства, чтобы переработать потенциальную энергію этнографическаго существованія въ динамику національнаго развитія. Этнографическая обособленность, — поясняетъ свою мысль М. С. Грушевскій, — это статистика, національная жизнь — продуктъ воли, динамической энергіи народа. Необходимо для этого желать, необходимо работать, необходимо дерзать» («Ще про культуру і критику», — «Л.-Н. Вістник», 1908, X, 122). Этому искусству «желать и дерзать», чтобы «пересоздать этнографическое прозябаніе въ національную жизнь», чтобы «высѣчь изъ гнилой массы своего настоящаго прозябанія огонь національной энергіи», собственно посвящена вся дѣятельность М. С. Грушевскаго какъ публициста, стоящаго настражѣ украинской общественности, и, несомнѣнно, она много способствовала національному самоопредѣленію и уясненію ближайшихъ задачъ и путей развитія среди украинскаго общества.

Переходя къ конкретнымъ задачамъ украинскаго движенія, М. С. Грушевскій всегда намѣчаетъ ихъ ясно, рѣзкими контурами, на основаніи того широкаго историческаго міровоззрѣнія, которое дала ему его предшествовавшая научная дѣятельность. «Нужно, — писалъ онъ по поводу нерѣшительной тактики нѣкоторыхъ украинскихъ круговъ, — собрать прежде всего разсыпанную храмину украинской общественности, научить ее обязанностямъ предъ своимъ народомъ, дисциплинировать въ національномъ отношеніи, моральнымъ вліяніемъ принудить ее къ тому, чтобы она приложила свою энергію къ культурному и политическому поднятію своего

народа». «Ибо,—прибавляетъ онъ,—мы должны помнить, что представляетъ великій народъ, и обязаны представлять его съ достоинствомъ» («Не пора»,—„Л.-Н. Вістник“, 1908, VII, 139—140). Къ этой темѣ достойнаго представительства или, по выраженію автора, «азбуки національности» онъ также часто возвращается, формулируя свои мысли все болѣе и болѣе конкретно. «Необходимо,—еще разъ пишетъ онъ,—заложить первоначальныя основы національной жизни—добиться того, чтобы каждый членъ украинскаго народа, на верхахъ и на низахъ, цѣнилъ національную, народную украинскую форму и дорожилъ ею. Чтобы крестьянинъ, какъ и интеллигентъ, въ равной степени стремился къ тому, чтобы каждый элементъ украинской жизни,—будетъ ли это наука, просвѣщеніе или офиціальныя юридическія акты,—предлагались ему въ народной, родной, доступной формѣ. Чтобы исчезла эта дикая классификація языка мужицкаго—украинскаго—и господскихъ—русскаго и польскаго; чтобы человѣкъ изъ народа понялъ и почувствовалъ, что онъ отнюдь не унижаетъ себя въ глазахъ просвѣщенныхъ людей, придерживаясь и требуя для своего употребленія понятнаго, родного ему языка, а поднимаетъ свое человѣческое и классовое достоинство, добиваясь для него культурной роли и значенія; Чтобы интеллигентъ понялъ значеніе національнаго элемента, какъ базы культурной и общественной эволюціи, понялъ и то, что если нашъ народъ изъ своей этнографической основы не создастъ основы національной и не станетъ жить какъ нація, то онъ долженъ умереть, разложиться, истлѣть въ качествѣ народа, и намъ въ такомъ случаѣ вмѣсто процесса развитія и жизни предстоитъ на долгіе вѣка процессъ агоніи, разложенія и разрушенія» («При кінці року»,—„Л.-Н. Вістник“, 1907, I, 151—152). Относительно трудности путей и способовъ такого національнаго перевоплощенія М. С. Грушевскій не обманываетъ себя,—онъ знаетъ, что оно не дается легко, не производится сразу, однимъ смѣлымъ прыжкомъ. Это процессъ длительный, затяжной, тѣмъ болѣе, что украинское общество можетъ и должно рассчитывать лишь на свои собственные силы и инициативу,—«такъ, какъ сдѣлала это наша закордонная Украина, десятилѣтіями тяжелаго неустаннаго труда создавъ широкую систему частныхъ учрежденій, научныхъ просвѣтительныхъ, экономическихъ, политическихъ; такъ, какъ дѣлають поляки въ Россіи, не ожидая конституціонныхъ гарантій для такого труда, не теряя энергіи вслѣд-

ствіе запершеній и репресій, въ увѣренности, что частица начатаго все-таки останется и что вложенная въ трудъ энергія принесетъ плоды, вопреки всѣмъ препятствіямъ и запершеніямъ» («Антрактъ», — «Л.-Н. Вістникъ», 1903, I, 120). И какъ только наступила возможность точной формулировки требованій украинства, то это было сдѣлано М. С. Грушевскимъ съ исчерпывающей полнотой и детальнымъ обоснованіемъ выставленныхъ положеній «на началахъ равноправія народностей и областей, на началахъ національно-территоріальной автономіи», какъ «интегральной части въ проблемѣ обращенія Россіи въ правомѣрное и благоустроенное государство» («Наши требованія» въ сборникѣ «Освобожденіе Россіи», см. также «На руїнахъ» въ сборн. «З біжучої хвилі»). При этомъ авторъ, предвидя возможнымъ возраженія, больше всего настаиваетъ на одновременномъ рѣшеніи національнаго вопроса для всѣхъ народностей и на полномъ удовлетвореніи ихъ національныхъ нуждъ, безъ раздѣленія національностей на достойныя и недостойныя, привилегированныя и обдѣленныя, зрѣлыя и незрѣлыя. Въ рядѣ статей («Національний вопросъ и автономія», «О зрѣлости и незрѣлости», «Конституційне питання и украинство въ Росіі» и др.) онъ со всей рѣшительностью возстаєтъ противъ какихъ-либо «отмѣтокъ культурности, сознательности, исторической давности и дипломатической обоснованности». Воздавая всѣмъ національностямъ «равною мѣрою», М. С. Грушевскій привѣтствовалъ отмѣну ограниченій для поляковъ и евреевъ, какъ начало, какъ первый шагъ къ раскрѣпощенію народовъ Россіи, но «всѣхъ, безъ выбора и подраздѣленій» («Равною мѣрою», «Конецъ гетто» и др.). Роль украинцевъ въ этомъ раскрѣпощеніи онъ считаетъ особенно важной и отвѣтственной въ силу указанныхъ историческихъ основъ украинскаго національнаго движенія и отсутствія въ ихъ средѣ агрессивныхъ элементовъ. Идея національнаго возрожденія на Украинѣ неразрывно связана для М. С. Грушевскаго съ освобожденіемъ широкихъ народныхъ массъ отъ всевозможныхъ формъ угнетенія, какъ политическаго, такъ и соціального. «Идея возрожденія Украины на широкихъ демократическихъ основаніяхъ свободы, — писалъ онъ въ 1905 г., — имѣетъ слишкомъ давнюю и слишкомъ серьезную исторію, чтобы ей нужно еще было держать экзамень предъ русской или польской экзаменаціонной комиссіей для полученія диплома прогрессивности или либерализма. Идея защиты рабочихъ массъ была ея неотъ-

емлемой частью; протестъ противъ гнета и автократизма, отсутствіе всякой національной исключительности, идея равноправнаго братства народовъ — логическими постулатами ея развитія» («На руїнах», — «З біжучої хвилі», 41). Въ отношеніяхъ внѣшнихъ, какъ и относительно внутреннихъ украинскихъ дѣлъ писатель стоитъ, какъ видимъ, настражѣ національнаго достоинства, олицетворяющаго требованія широкаго гуманизма и свободы.

IV.

Есть еще одинъ вопросъ въ сферѣ украинской жизни, къ которому охотно возвращается М. С. Грушевскій — все съ той же точки зрѣнія цѣлесообразнаго использованія всѣхъ украинскихъ силъ въ интересахъ демократизма и свободы или, — что то же, — и въ интересахъ національнаго достоинства въ лучшемъ значеніи этого слова. Вопросъ этотъ состоитъ въ координированіи дѣйствій среди самихъ украинцевъ, въ развитіи въ украинской средѣ центростремительныхъ силъ и въ парализованіи центробѣжныхъ — того «атомизма», которому авторъ посвящаетъ много краснорѣчивыхъ страницъ въ своихъ публистическихъ работахъ. Спасеніе отъ безполезной траты силъ и разсѣянія ихъ онъ видитъ въ идеѣ «всеукраинства». «Всеукраинство или украинскій универсализмъ — тѣсное единеніе всѣхъ частей украинской земли и подчиненіе всѣхъ отличій, какія ихъ раздѣляютъ, общей и единой цѣли — національному развитію, является въ концѣ-концовъ не только желательнымъ само по себѣ, — идеально, такъ сказать, но и для нуждъ мѣстной жизни ея частей, для ихъ ближайшихъ цѣлей и задачъ» («З новорічних думок», — «Л.-Н. Вістник». 1910, I, 56). Именно въ формѣ такого всеукраинскаго единенія для достиженія общихъ задачъ и одновременнаго удовлетворенія мѣстныхъ потребностей рисуется М. С. Грушевскому выходъ изъ тѣхъ недоразумѣній, вслѣдствіе которыхъ приходится растрчивать попусту общественныя силы на преодоленіе взаимныхъ трений и предубѣжденій. Въ особенности озабочиваютъ его въ этомъ смыслѣ отношенія между Украиной и Галичиной, такъ какъ нѣкоторое намѣчающееся разъединеніе ихъ покоится на политическихъ условіяхъ культурныхъ традицій и привычкахъ мѣстныхъ дѣятелей названныхъ частей украинской земли. Въ интересахъ украинскаго національнаго развитія въ настоящей стадіи, по мнѣнію М. С. Грушевскаго, лежитъ «именно концентрація всѣхъ національныхъ силъ, а для этого — всѣхъ

частей украинской территоріи. Необходимо развивать въ нихъ чувство единства, солидарности, близости, а не муссировать отличія, которыя ихъ раздѣляютъ и при такомъ муссированіи могутъ привести къ полному отмежеванію, культурному и національному, отдѣльныхъ частей украинской земли, какъ въ данномъ случаѣ—въ отношеніяхъ Галичины къ російской Украинѣ и обратно» («Галичина і Україна», — «З біжучої хвилі», 122) Принципъ подчиненія частныхъ общему несомнѣнно правильный, но необходимо отмѣтить, что боязнь предъ «атомизмомъ» и опасенія разъединяющихъ моментовъ заводятъ нашего автора иногда слишкомъ далеко, заставляя его видѣть проявленія кружковщины и дѣленія тамъ, гдѣ въ сущности имѣется на-лицо лишь необходимое и здоровое критическое отношеніе къ отрицательнымъ явленіямъ. И на практикѣ самъ авторъ, разумѣется, не раздѣляетъ своихъ опасеній, выступая съ рѣзкой критикой тѣневыхъ сторонъ украинской жизни. Въ Галичинѣ—недостатокъ принципиальности, опортюнизмъ, наклонность къ «малымъ дѣламъ», увлеченіе задачами ближайшаго момента въ ущербъ основнымъ требованіямъ (всѣ статьи въ книгѣ «Наша політика»); на Украинѣ—вялость въ работѣ и отсутствіе энергіи, дезертирство, стремленіе къ неоправдываемымъ дѣйствительностью надеждамъ и т. п. всегда вызвали самый рѣзкій отпоръ со стороны М. С. Грушевскаго. И, конечно, не разъединяющимъ, а скорѣе сближающимъ и плодотворнымъ было такое отношеніе и инымъ быть не могло: трезвая критика, сколько бы ни вызвала противъ себя неудовольствій, всегда вѣдь является началомъ оздоравливающимъ. Одной изъ наиболѣе цѣнныхъ сторонъ въ публицической дѣятельности самого М. С. Грушевскаго является именно его неизмѣнно критическое отношеніе къ дѣйствительности при неизмѣнно же глубокой вѣрѣ въ правоту украинскаго дѣла и увѣренности въ достиженіи имъ своихъ коренныхъ задачъ. «Мы—рядовые работники Украины,—писалъ онъ въ отвѣтъ на нападки принципиальныхъ противниковъ украинскаго возрожденія,—постановившіе по мѣрѣ силъ своихъ восполнить ущербъ, нанесенный летаргіей прежнихъ поколѣній, замороженныхъ страшными глазами бюрократическаго удава. Мы сами, и весьма, глубоко, сознаемъ нашу малочисленность и слабость нашихъ силъ предъ огромностью предстоящей намъ задачи, предъ колоссальностью нашей національной массы. Но,—прибавляетъ сейчасъ же М. С. Грушевскій,—мы знаемъ,

что за нами стоятъ стихійныя несокрушимыя, непобѣдимыя потребности нашего народа—задержанныя, но не уничтоженныя. За нами сила вѣковыхъ традицій, сила инстинкта національнаго самосохраненія. Знаемъ также, что всѣ подъ Богомъ ходимъ и подъ начальствомъ живемъ, но дѣло, которому служимъ, лежитъ за предѣлами досягаемости» («Грім, та не з тучі», — «Л.-Н. Вістник», 1907, VIII—IX, 390—391). И бодрый возгласъ «Ukraina fara da se—Украина своего достигнетъ», которымъ оканчивается цитированная сейчасъ статья и который является лейтмотивомъ всѣхъ статей М. С. Грушевскаго на общественныя темы,—это не только плодъ вѣры. Это результатъ знанія дѣйствительности, правильной оцѣнки ея и основанныхъ на послѣдней выводовъ.

Въ журнальной замѣткѣ, писанной притомъ на-спѣхъ, я не могу, разумѣется, исчерпать всего богатства темъ, затронутыхъ М. С. Грушевскимъ въ его публицистическихъ произведеніяхъ и разработанныхъ часто съ не оставляющей мѣста для сомнѣній ясностью. Вопросы конституціонной теоріи и практики и аграрный вопросъ, начала автономно-федеративнаго строя и отношенія польско-украинскія и русско-украинскія, вопросы общерусской жизни и спеціальныя украинскія нужды, рѣзкій отпоръ противникамъ и установленіе связей съ естественными союзниками украинства, дѣла культуры и политики, блестящій анализъ историческихъ основъ нашего существованія и беспощадное уничтоженіе нѣкоторыхъ легендъ современности и т. д., и т. д.,—таковы темы работы М. С. Грушевскаго, по необходимости оставшихся на этотъ разъ внѣ нашего разсмотрѣнія. Но общей чертой, проникающей все, чего касалось перо М. С. Грушевскаго, является, по моему мнѣнію, эта глубокая убѣжденность въ правотѣ украинскаго дѣла, въ достижимости и осуществимости основныхъ задачъ украинскаго движенія. Ко всѣмъ вопросамъ онъ подходитъ, какъ украинецъ, съ точки зрѣнія жизненныхъ интересовъ украинскихъ народныхъ массъ, которые (интересы для него идентичны съ требованіями челоувѣчности вообще, съ достиженіями всей полноты челоувѣческой культуры. Цитированное уже однажды выраженіе М. С. Грушевскаго: «мы должны помнить, что представляемъ великій народъ и обязаны представлять его съ достоинствомъ»,—это выраженіе не случайная фраза въ его устахъ. Для него это кровный выводъ изъ всѣхъ научныхъ изысканій о прошломъ украинскаго народа и наблюденій надъ его настоящимъ.

И въ соотвѣтствіи съ этимъ выводомъ М. С. Грушевскій дѣйствительно стоитъ настражѣ національнаго достоинства роднаго народа.

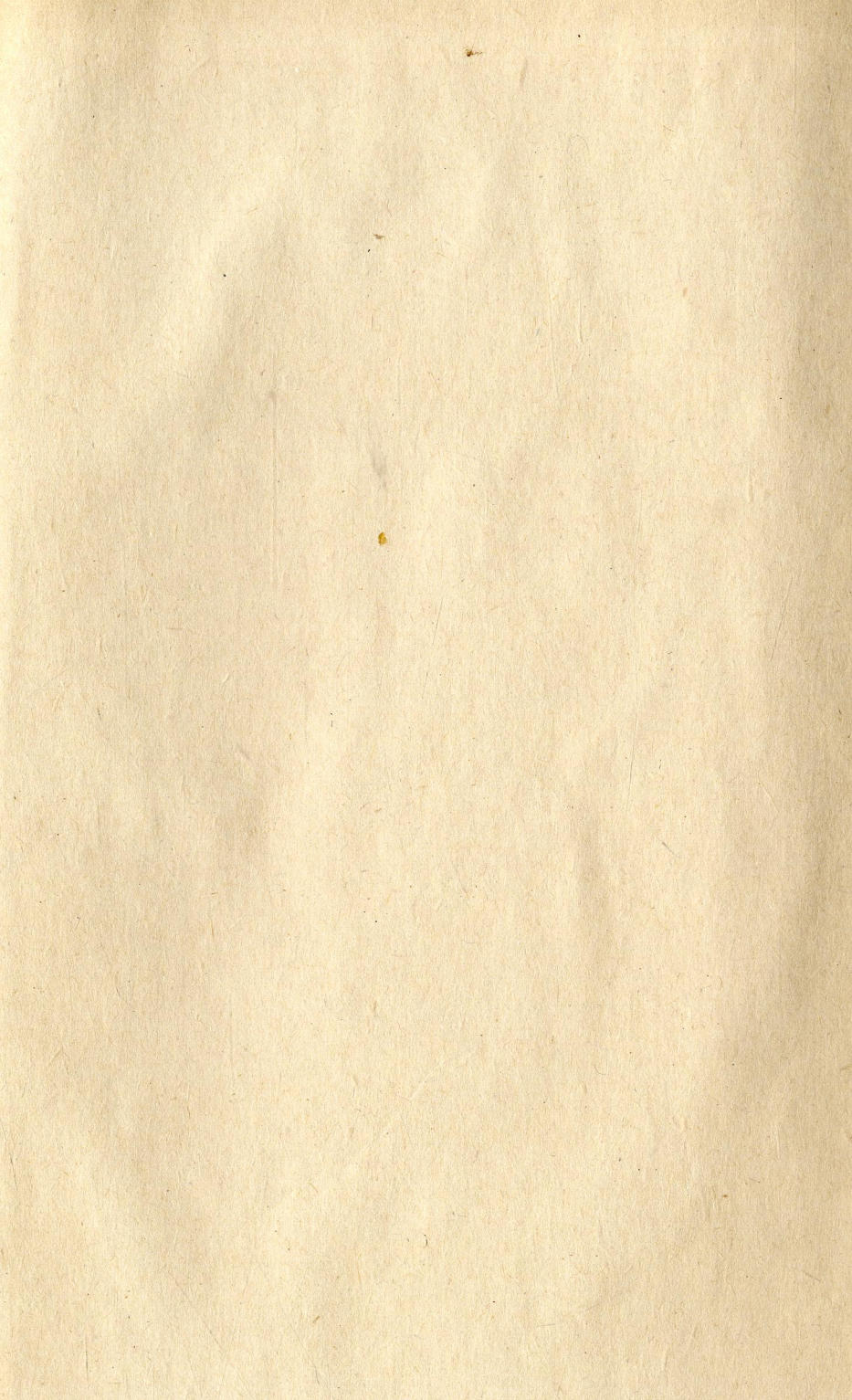
Но при этомъ онъ не забываетъ и человѣка вообще, требованій человѣческой личности, законовъ человѣческаго общества. Человѣчность для М. С. Грушевскаго, конечно, составляетъ цѣль, но практически воплотившуюся въ охраненіи достоинства той части человѣчества, къ которой онъ принадлежитъ по рожденію, связямъ и дѣятельности. «Я,—писалъ какъ-то М. С. Грушевскій,—вѣрю въ огромную силу самоопредѣленія коллективнаго человѣка, человѣческаго общества, и въ широкую сферу вліянія этого самоопредѣленія» («Наша політика», 63). Этотъ «коллективный человѣкъ» въ образѣ роднаго народа, какъ участника общечеловѣческой жизни и культуры, несомнѣнно, всегда стоитъ предъ М. С. Грушевскимъ, вдохновляя его на защиту общечеловѣческаго въ національной сферѣ и національнаго въ общечеловѣческой. Отсюда тотъ глубокій гуманизмъ и трезвый реализмъ, одинаковое вниманіе какъ къ широкимъ задачамъ общечеловѣческой культуры, такъ и къ конкретнымъ нуждамъ данной національной обстановки, гармоническое соединеніе которыхъ такъ подкупаетъ въ публицистическихъ работахъ М. С. Грушевскаго. Отсюда и вліяніе его на современниковъ, и то руководящее значеніе, которое надолго останется за нимъ въ украинской публицистикѣ.

С. Ефремовъ.

Оглавленіе.

	<i>Стр.</i>
Портретъ проф. М. С. Грушевскаго.	
Предисловіе.	3
На общественномъ посту, М. С. Грушевскій какъ общественный дѣятель. <i>А. Бълоусенка</i>	5
Проф. М. С. Грушевскій какъ историкъ. <i>Н. П. Васи- ленка.</i>	18
На стражѣ національнаго достоинства. Къ характе- ристикѣ публицистической дѣятельности проф. М. С. Грушевскаго. <i>С. А. Ефремова.</i>	34

Р
Л

1520

В. Борецкий

М. С. ГРУШЕВСКИЙ

(1866—1916).

Съ портретомъ и факсимиле.

Издание „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“.

1917 г.